

ВЕСТНИКИ Судного ДНЯ



Брюс Фёдоров

Брюс Федоров

Вестники Судного дня

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Федоров Б.

Вестники Судного дня / Б. Федоров — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

Когда Человек предстал перед Богом, он сказал ему: Господин мой, я всё испытал в жизни. Был сир и убог, власти притесняли меня, голодал, кров мой разрушен, дети и жена оставили меня. Люди обходят меня с презрением и никому нет до меня дела. Разве я не познал все тяготы жизни и не заслужил Твоего прощения? На что Бог ответил ему: Ты не дрожал в промёрзшем окопе, не бежал безумным в последнюю атаку, хватая грудью свинец, не валялся в ночи на стылой земле с разорванным осколками животом. Ты не был на войне, а потому не знаешь о жизни ничего. Книга «Вестники Судного дня» рассказывает о жуткой правде прошедшей Великой войны.

© Федоров Б., 2016

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2016

Содержание

I. Три рядовых эпизода из хроники десантно-штурмового батальона (Повесть)	6
Предисловие	23
Эпизод первый	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Брюс Федоров

Вестники Судного дня

Copyright Брюс Федоров (Bruce Fedorov) 2016 г.

* * *

*Посвящается: солдатам и офицерам 1941 года, правофланговым
Бессмертного полка*

Вторая мировая война превзошла все остальные до неё случавшиеся по уровню своей ожесточенности, поставив перед человечеством единственный возможный вопрос – «Доколе?». В широкой панораме больших и малых сражений, развернувшихся во всех частях света, Великая Отечественная война занимает особое место, так как основными её чертами стали беспощадность и непримиримость. Однако и в её кровавом контексте выделяется отдельный наиболее драматический период – катастрофические поражения и первые начальные, ещё робкие успехи 1941 года.

«Кто не воевал в 41-ом, тот войны не знает», считал Александр Иванович Покрышкин, военный летчик-истребитель в годы Великой Отечественной войны, трижды Герой Советского Союза и маршал авиации Советского Союза после неё.

I. Три рядовых эпизода из хроники десантно-штурмового батальона (Повесть)

Вымощенная отшлифованным булыжником улица пологим тягуном тянулась вверх и, если бы не разнывшаяся от старой фронтовой раны левая нога, то идти можно было бы вполне сносно. Федор Терентьевич Бекетов не любил узкие пространства и поэтому заранее сошёл с ленточного тротуара, прилепившегося к аккуратным палисадникам невысоких двухэтажных домов, предпочитая держаться на проезжей части улицы.

– Нет оперативного простора, – бывало отвечал он, если считал нужным удовлетворить чье-то назойливое любопытство, почему он не любит всё узкое и чем-то ограниченное.

В этот ранний утренний час маленький тихий городок на северо-востоке Германии уже оживился, и его улицы и переулки начали постепенно наполняться населявшими его людьми, которые один за другим покидали свои уютные жилища и торопливо направлялись по неотложным делам. Всем им хотелось в срок оказаться на рабочих местах в многочисленных административных конторах, уютных кафе или запустить моторы станков в небольших производственных мастерских. Немецкая дисциплина и педантичность – неоценимые качества, когда требуется точно и качественно выполнить любую поставленную задачу или, что ещё более важно, договориться о правилах поведения и жизнеустройства в рамках какого-нибудь муниципального образования или «Общины – Gemeinde». И ровно эти же несомненно высокие человеческие достоинства могут стать проклятием для умного, образованного и в общем-то добропорядочного народа, когда он превращается всего лишь в инструментарий для реализации чей-то бредовой идеи, и несчастьем для других людей.

Нога ещё более разнылась, когда резиновый наконечник трости, которую Фёдор Терентьевич прихватил с собой для пешей прогулки, вдруг так некстати соскользнул с горбыля мостового камня и в то же мгновение боль молнией пронеслась от колена вверх и вонзилась куда-то между рёбер под самое сердце.

– Verdammte Steige – проклятый подъём, – правая щека Фёдора Терентьевича слегка поджалась, словно от болевого спазма. Что сказать, когда далеко не молод и разменял седьмой десяток лет? Когда уже не понять, отчего становится больнее, то ли от возрастных физических недугов, то ли от горьких воспоминаний, тяжкой ношей лежащих на душе.

Он оглянулся. Этот неприметный городок с обычным мало о чём говорящем названием Цвекау ан дер Н, что примерно в тридцати километрах к северо-западу от Лейпцига, был ему немного знаком и выглядел почти так же, как и в конце апреля 1945-го. Такие же, как и в том памятном победном году, добротные, выступающие вперёд фасады домов, подметённые улицы, вымытые дорожные указатели и подкрашенные городские урны. Каким-то чудом война обошла этот аккуратный немецкий городок, оставив его почти нетронутым к радости местных жителей и к удовлетворению советского командования, решившего разместить в нём один из своих стационарных госпиталей. Благо, большинство зданий оказалось нетронутым по той простой причине, что батальон эсэсовцев из Бохума, имевших своей задачей оборонять Цвекау до подхода основных сил, решил, что не стоит испытывать судьбу и лучше оставить этот населённый пункт на попечение местных фольксштурмистов, и двинулся в западном направлении, очевидно рассчитывая на встречу с передовыми отрядами англо-американских войск.

Тогда, как и сейчас, тоже была весна. Липовые деревья раскрыли свои нежные, ещё не потревоженные летним зноем листочки, черёмуха украсила ветки белоснежными плюмажами, а утренний воздух благоухал медовыми ароматами всевозможных первых цветов. Военная гроза сдвинулась куда-то вбок в направлении ещё корчившегося в кровавых муках Берлина, а здесь, в притихшем и сдавшемся на милость победителя немецком городке уже забрезжил

рассвет долгожданной мирной жизни. Души советских солдат и офицеров, измотанные четырёхлетним ненастьем непрерывных боев, постепенно успокаивались.

Оживала надежда на возвращение из опустылевшей Германии в свои разрушенные и потому ещё более родные края.

Цвекау был для ветерана Бекетова лишь эпизодом в его долгом фронтовом пути, мало-заметной точкой на топографической карте боевых действий, куда он доставил своего боевого друга, получившего так некстати в конце войны осколочное ранение в область грудной клетки, и сдал его на руки фронтовым ангелам-врачам военно-полевой хирургии. Небольшой, с однокопеечную монету, с рваными краями осколок от гаубичного снаряда пропахал бордовую борозду по животу, раздвигая мышцы в безобразные лохмотья, и забился глубоко вовнутрь, перекрыв кровоснабжение легочных капилляров. Не довелось в те дни Фёдору Терентьевичу задержаться в этом городке хотя бы на пару суток, чтобы поддержать своего тяжело раненого друга и помочь ему перенести неизбежную сложнейшую операцию. Служебный долг призывал его отправиться в дорогу туда, где ещё гремела непрерывная канонада тысяч орудий, где продолжали вздыматься приливные волны атакующих шеренг советской армии, заливающих своей алой кровью свирепую вакханалию, которую развязало всемирное зло. Во что бы то ни стало надо было заставить себя пройти оставшиеся метры войны, чтобы через свинцовую метель на излете последнего вздоха дотянуться натруженной солдатской рукой до горла извивающейся фашистской гадины и вырвать у неё из пасти ядовитое жало.

И вот теперь он опять здесь, в Германии, не потому что хотел посетить памятные места давнишних боёв и убедиться ещё раз, что смерть, насытившись жизнями сотен тысяч павших, утомилась собирать кровавый урожай и удалилась в свои мрачные чертоги, навсегда покинув эту израненную землю. Нет, он даже не стремился воспользоваться официальной программой поездки, организованной по линии Общества дружбы ГДР – СССР для советских ветеранов войны. Он не хотел пышных церемоний, искренних приветственных речей и слов, выражавших неподдельную симпатию и благодарность им, победителям. Сейчас душа нуждалась в покое и боялась говорливого людского многословия и пустой суеты. Она хотела только одного – вспомнить тех, кто навсегда остался в памяти, кто шёл когда-то с тобой рядом и, улыбаясь, протягивал тебе последнюю папиросу, чьё крепкое плечо было вернее броневой стали в те бесконечные и томительные минуты ожидания приказа, когда главным было суметь выдернуть себя из окопа и, вжимая в живот деревянное ложе автомата, судорожно кривя рот и выхаркивая из глотки водочные сгустки животной ярости... мать-перемать... ринуться туда, вперёд, на плюющиеся бешеным свинцовым огнем и пороховым дымом пулеметы врага.

И потому сейчас он стоял здесь, на этой большой красивой площади перед городской ратушей обычного немецкого городка. Изможденный годами седой человек, чьи плечи, привычные к золотым прямоугольным пряникам погон, теперь гнула вниз беспощадная старость, заставляя опираться на опустылевшую трость. Свежий весенний воздух вливался в легкие, помогая сердцу вернуться к нормальному ритму, сорванному длительным подъемом по кособокой извилистой улочке.

– Ну вот и хорошо, – пронеслось в голове, – теперь можно и дальше идти. Должно быть, немного осталось. Разве не одолею?

Намерение Фёдора Терентьевича продолжить свой путь неожиданно было прервано негромким окликом. Участливый девичий голос осторожно спросил его:

– У Вас всё хорошо? Мы могли бы чем-то помочь Вам?

Бекетов повернулся и увидел перед собой пару совсем молодых людей, девушку и парня, которые смотрели на него и чуть смущенно улыбались.

«Лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. По виду они скорее всего студенты какого-нибудь местного колледжа. Какие молодые, свежие и открытые лица», – подумал седовласый ветеран.

– Может, вы подскажете, я правильно иду? Мне нужно Zentralfriedhof – центральное кладбище.

– Да, да, – как-то особенно торопливо произнесла девушка. – Если идти пешком, то минут двадцать. Но может быть, для Вас вызвать такси?

– Нет, спасибо. Я дойду.

Молодые люди по очереди попрощались – Auf wiedersehen /До свидания/. Почему-то ещё больше смутились и быстро пошли в ту же сторону, куда намеревался идти и сам Фёдор Терентьевич.

«Может быть их смутил мой выговор? Ведь ещё до войны инструктора по языковой подготовке предупреждали меня о том, что мой немецкий окрашен диалектическими признаками выходца из земли Шлезвиг-Гольштейн. А это ФРГ. Наверное, они посчитали, что я западный немец, которого непросто встретить в этих краях?»

«Такая приятная пара, – подумал он, глядя им вслед. – Дай бог, чтобы в новой социалистической Германии они обрели счастье и мирную жизнь». Потом, остановившись, ещё раз оглядел площадь. А ведь когда-то этот город и эта площадь наверняка видели и другие времена, и такие же замечательные молодые люди, как эти, их отцы и матери, ещё не стряхнувшие с себя очарование юности, собирались здесь.

* * *

...Начало мая 1939 года выдалось ненастным. С утра на город напоззли низкие серые тучи, и поэтому временами сверху срывались горсти мелких дождевых капель, которыми ветер щедро осыпал лица собравшихся на площади людей. Казалось, здесь были все жители Цвекау, взоры которых, как по команде, были устремлены на стройные шеренги, вытянувшиеся в ротном порядке вдоль периметра ратушной площади. Непогода не оказывала никакого воздействия ни на зрителей, застывших в ожидании начала торжественной церемонии, ни на крепких и уверенных, с загорелыми лицами молодых людей, выстроившихся в безупречном порядке перед высокой трибуной, на которую уже заходили главные организаторы городского митинга. Это был митинг городской организации «Гитлерюгенд», молодежного крыла НСДАП, национально-социалистической немецкой рабочей партии Германии, созданной для воспитания преданных сторонников фашистской идеологии нового руководства страны, тех, которые были призваны осуществить на деле самые амбициозные планы, которые когда-либо ставила перед собой Германия. Многие немецкие семьи с восторгом восприняли идею высших политических кругов партии объединить прежде забытую всеми молодежь в военизированный союз, где помимо отработки навыков владения оружием много внимания уделялось дисциплине, приучению к бытовому порядку, уважению к труду, участию в различных спортивных состязаниях, развитию новой, теперь уже фашистской культуры. Родители были спокойны. Из их обожаемых чад вырастут хорошие добродетельные граждане своей страны, и никто из них ни о чём плохом не задумывался. А зачем? «За тебя думает фюрер». Никто из них ещё не подозревал, что миллионы их любимых сыновей в самом ближайшем будущем усыпят своими костями снежные равнины России и желтые пустыни Аравии, а те, кому счастливый рок всё-таки судит вернуться домой и добраться до берегов Рейна и благословенных виноградных склонов мозельских долин, физически искалеченные, будут доживать свой век, не ведая больше, что такое обыкновенные радости жизни. И всё потому, что ранее они отправились в военный поход для того, чтобы не нести жизнь, а уничтожать её, истребляя в своей душе всё человеческое.

А пока что на площади ветер развеивал огромные красно-белые знамена с черной свастикой и штандарты «Гитлерюгенда», похожие на вытянутые языки пламени с изображением гордого рунического символа «Совило», обозначающего доблесть и успех победителей. Глаза

матерей увлажнились, а отцы подтянули свои животы и выпрямили спины, вспомнив прежнюю военную выучку.

Какие они у нас хорошие и замечательные, наши мальчики. Какие у них одинаковые аккуратные прически. Как ладно сидят на них коричневые рубашки с черными треугольными галстуками и с вязаными кожаными узлами. Шорты до колен и высокие шерстяные чулки, натянутые на напружиненные ноги, засунутые в крепкие ботинки, в которых так удобно взбираться по баварским кручам или стройно печатать шаг по булыжным мостовым, вызывая восхищение у обывателей и страх у евреев и всяких там «коммунистов». А румяные, с крепкими зубами и налитыми арийским здоровьем щеками «junge Frauleinen», девушки и дамы постарше, восторженно махали им руками и дарили цветы, а при случае радостно и самозабвенно свою любовь. Как им всем, нашим мальчикам, идёт эта чудесная униформа. Они наша гордость и надежда. Какие у них мускулистые тела и руки, готовые крепко сжимать серп хлебопашца или винтовку солдата вермахта. Наш фюрер скажет, что нужно стране, а значит и нам всем. Отдай приказ, мы его выполним.

Раздался глухой рокот барабанов, призывая всех к вниманию. Площадь затихла. Пауль Штюбен, Bezirksjugendfuhrer – окружной руководитель местного отделения «Гитлерюгенда», подошел к микрофону, поправил ремень, перепоясавший его выпуклую грудь, и, поворачивая голову вправо-влево, внимательно оглядел застывшие перед ним, как единый монолит, парадные порядки членов своей организации. Выкинул вперед правую руку с открытой ладонью и плотно сжатыми пальцами, имитируя приветствие, заимствованное нацистами у древнеримских легионеров. Всем слушать.

– Kameraden, Камараден, побратимы. Здесь, на этой площади стоят лучшие представители немецкой молодежи, новое поколение нашего народа. Вы молодая сила рейха, великое братство будущих победителей. Мы все учимся на славных примерах доблести и самопожертвования павших героев. Верность нашему фюреру, Адольфу Гитлеру, – это путь в бессмертие. Наши враги скоро узнают силу возродившейся Германии, почувствуют силу нашего гнева. Никто из них не дожидется пощады. Германия пробудилась. Уже Эльзас и Лотарингия вернулись в лоно своей родины, ликующая Австрия цветами встретила наших доблестных солдат, а историческая часть нашего народа, судетские немцы, наконец-то вырвались из вековой славянской кабалы. Хох.

– Хох, да будет так, – выдохнула площадь.

– Мы собрались здесь, чтобы проводить юношей старшего возраста в нашу непобедимую армию. В их жизни настает самый замечательный день – скоро они наденут полевую форму солдат вермахта, чтобы встать в его железные непоколебимые шеренги. На этой трибуне, где собрались самые почётные люди этого города, находятся два замечательных молодых офицера, которые совсем недавно были членами нашей общегерманской организации и, как Вы все, не жалея себя, вставали в шесть утра по звуку горна и упорно осваивали трудные дисциплины довоенной подготовки. А теперь они офицеры танковой дивизии, которая стремительным марш-броском преодолела урочища Чехословакии, неся нашим несчастным соотечественникам свободу на своих победоносных штыках и знаменах.

– Хох, – откликнулась площадь.

– Одному из этих офицеров, имя которого Герд Мюллер, награждённому за оказанное им усердие и умение безупречно выполнять приказы его командиров, за Судетский поход был вручен орден «Железный крест», знак воинской доблести.

– Хох, – прошелестело по юношеским шеренгам. Глаза всех устремились на того, кто был им почти ровесником, а сейчас стал обожаемым всеми героем.

– Обер-лейтенанту Герду Мюллеру доверено вручить лучшим из вас почетные награды – походные ножи «Гитлерюгенда», на клинках которых красуется наш гордый девиз «Blut und

Ehre» – «Кровь и честь», которые теперь будут с вами до самой смерти. Вы научились думать, как германцы, и поступать, как германцы.

– Хох!

– Зепп Юнгвальд, Дитрих Зайлер, Эмирих Штримиц, выйти из строя.

Молодые люди молча, парадным шагом, стараясь не уронить личное достоинство в глазах сотен наблюдавших за ними завистливых сверстников и растроганных взрослых людей, подходили к трибуне и вскидывали в приветствии правые руки. На лицах, уже отмеченных первым весенним загаром, читались решимость и отвага. Прочь всякие сомнения, уныние и недостойные мужчин слабости. Теперь скоро они встанут в ряды армии Великой Германии. Будут её солдатами.

– Этим юношам, – голос уездного руководителя молодёжи зазвенел с новой силой, – предстоят грандиозные свершения. За Рейном притаились коварные галлы, которые только и ждут, чтобы нанести удар в спину германской нации, а из-за Вислы на нас смотрят жадные глаза вечно голодных и недовольных своей участью поляков. Так будем же готовы и достойны подвигов наших великих предков. С нами Бог и фюрер. Хайль Гитлер.

– Хайль, – громовым залпом прокатилось по площади.

Небольшой оркестрик взял первые аккорды любимого гимна “Vorwärts, vorwärts” – «Вперёд, вперёд»:

*Unsere Fahne flattert uns voran
Wir marchieren für Hitler
Durch Nacht und durch Not
Mit der Fahne die ist wichtiger als der Tod —*

(Наше знамя веет впереди. Мы идем за Гитлером через ночь и страдания со знаменем в руках, которое важнее чем сама Смерть).

Самозабвенно, задрав голову, пел уездный фюрер-оратор, пел бургомистр и офицеры-танкисты, пели все на трибуне для почётных гостей. Пели юноши из «Гитлерюгенда», пели девушки из Союза немецких девушек, пели достопочтимые бюргеры города Цвекау.

Всех воспламенили эти слова. Грудь распирало желание выказать перед другими своё особое чувство патриотизма, любви к «Фатерланду» – ненаглядной родине. Туманились увлажнившиеся глаза, душа томилась жаждой действия и ожиданием подвига. Приказ, нужен приказ, чтобы выстроиться в походные колонны и ощутить великое единение со множеством своих соотечественников. Качаются перед глазами бритые затылки, маршируют в такт ноги, слегка позвякивает о приклад винтовки походная фляга со шнапсом. Вперёд, вперёд, в манящую неизведанную даль, туда, где лежат другие страны, чужие земли и текут незнакомые реки. Теперь всё это станет нашим.

Пели на улицах и площадях, в сельских общинах и на стадионах Мюнхена, Гамбурга, Лейпцига и Берлина. Пела вся Германия днем и ночью в свете чадающих, оплывших черным дёгтем факелов. Строились в шеренги и рабочий, и врач, и крестьянин, и водитель такси. Ровнее, чтобы видеть грудь пятого. Умный и храбрый, добрый и злой. Все вместе ради самой «великой» цели. Страна тружеников, поэтов и философов готовилась расширять свои границы от Атлантики до Урала, и неважно, сколько неведомых людей придется смешать с грязью танковыми траками. Пусть проигравший плачет и клянет свою злосчастную судьбу, потому что так начертал он, непогрешимый и всезнающий народный вождь Адольф Гитлер, и ведомая им партия нового типа, установившая, что «Германия превыше всего».

Не так ли, всегда и везде, на протяжении тысячелетий возрождается и вскармливается беспощадный Молох войны?!

* * *

Вскоре единственная улица, стекающая с ратушной площади, разбежалась на несколько переулков. На углу одного из них была установлена стрелка с четкой надписью «Zentralfriedhof» – «Центральное кладбище».

– Ну, значит, дошёл, – облегчённо подумал Фёдор Терентьевич.

И действительно, пройдя под уклон ещё две сотни метров, он оказался перед входом из высоких каменных колонн и однообразной чугунной ограды, выкрашенной в черный цвет.

«Странно, столь печальное место, а находится так близко к центру города. Ну да ладно. Главное, найти могилу Александра. По документам он где-то недалеко от входа должен быть захоронен», – и Фёдор Терентьевич прошёл под чугунным сводом ворот.

Кладбище оказалось небольшим, около ста захоронений, и очень ухоженным. С немецкой старательностью дорожки были чисто выметены, а могильные камни, выкрашенные в белый цвет, имели чёткие прорезанные надписи. Пройдя до конца второго ряда, Бекетов наконец обнаружил рядом с памятной плитой какому-то незнакомому ему майору могилу своего фронтового друга.

На камне, украшенном красноармейской звездой, покрытой золотистой краской, было написано – «капитан Александр Панкратов» и даты «1916–1945 гг.»

Фёдор Терентьевич отложил свою трость, опустился на одно колено и достал из кармана выдавший виды, затёртый портсигар. Он давно уже не курил, но держал его при себе как напоминание о военных годах. Затем всё ещё крепкими пальцами разомкнул створки металлической коробки и высыпал из него на могилу горсть земли, которую привез из деревни, где родился его друг. Подобрал трость, с усилием выпрямился и молча склонил голову. Рассыпавшиеся седые волосы прикрыли сжавшиеся уголки глаз. Жёсткая кожа на щеках вспухла взбуhrившимися желваками.

– Эх, Сашка, Сашка, угораздило тебя. Ведь всю войну прошёл. Бог миловал, – заматались мысли под темечком, – а здесь, за две недели до победы нарвался на проволочную растяжку. Какие-то сопляки-фольксштурмисты перекинули трос между деревьев над дорогой, чтобы подловить неосмотрительных мотоциклистов. Забылся ты, расслабился, успокоила тебя легкость, с которой твой батальон занял этот паршивый городок. Не удалось тебе вновь увидеть родной дом и прижать к сердцу свою ненаглядную Любашу.

Фёдор Терентьевич полез в боковой карман, вынул из него маленькую плоскую фляжку, приложился к горлышку и сделал два протяжных глотка. Водка, как всегда, немного успокоила его.

– Спи спокойно, брат. Время летит быстро. Скоро, поди, увидимся, – Фёдор Терентьевич повернулся, чуть прихрамывая и опираясь на трость, и пошёл на выход вдоль ровной линейки могильных холмиков. Глаза автоматически перебирали надписи на надгробных плитах.

«Что же это такое? – вздрогнул он. – Да здесь же лежат одни мальчишки, лейтенанты, младшие лейтенанты, восемнадцать-двадцать лет. Ведь война уже почти кончилась. Как же они умудрились умереть так не вовремя, ведь был уже апрель месяц? До капитуляции Германии оставалось две недели. Неужели мы воевали так на пределе, что не могли обойтись без этих, нецелованных? Какую же невиданную цену заплатили за нашу Победу, если нельзя было сохранить их для будущего? Сколько матерей, теряя сознание, грохнулось на землю, получив похоронку тогда, когда уже в сердцах поселилась надежда, что он выживет, вернется. Ведь конец войне. А тут? И что потом? Нет конца горю. Исчезла, испарилась радость жизни, потому что уже нет его, единственного, беспрельдно любимого, которого выносила и выходила. Берегла и холила, как могла, прикрывая натруженными руками от житейских невзгод. Эх-ма».

Фёдор Терентьевич остановился, чтобы перевести дыхание, и приложился к фляге губами.

– Прощу прощения, – слышался рядом тихий осторожный голос, – у Вас здесь кто-то похоронен?

Фёдор Терентьевич повернулся и увидел перед собой небольшого роста опрятно одетого и согбенного старичка.

– В общем да, – ответил он по-немецки.

– А я здесь недалеко живу и тогда жил, когда в 45-м в наш город вошли советские войска, – продолжал, слегка покашливая, говорить старичок, как бы стараясь не замечать сдержанность со стороны русского ветерана войны. – Раньше здесь не было кладбища, а был городской парк, но когда ваша армия разместила в нашем городе госпиталь, то надо было где-то хоронить умерших. Какая беда. Поверьте, что мы, старшее поколение, очень переживаем, когда приходим на это кладбище. Сколько прекрасных молодых людей лежит здесь. Сколько напрасных смертей. Этого не должно было случиться. Не должна была разразиться эта проклятая война. Это трагедия и для нас, немцев, и для вас.

– А Вы сами воевали? – спросил Бекетов, решив, что не стоит обижать своим молчанием этого на первый взгляд безобидного человека.

– Да, немного, – быстро ответил тот. – Я попал на Восточный фронт, но в январе 1942 года был демобилизован по болезни: отморозил ноги в окопах под Москвой, и у меня развилась гангрена. Хотели отнять ступни, но как-то обошлось. Но с тех пор я уже не могу нормально ходить. Больше ковыляю. А главное меня постоянно мучают боли. С тех пор.

Незнакомец замолчал, почувствовав неловкость за свою возможно неуместную болтливость. Затем, очень тихим голосом поинтересовался: – А Вы тоже были на фронте?

Фёдор Терентьевич наклонил голову, пристально посмотрел в глаза говорившего и с расстановкой ответил: – Четыре года. И закончил войну в Берлине.

– О-о-о, – протянул старичок, видимо, не зная, что нужно ответить.

– А Вас как зовут? – всё же решил спросить своего нежданного собеседника Бекетов.

– Лернер, Франц Лернер, – чуть заикаясь, проговорил тот.

«Странно, какая-то знакомая фамилия, – пронеслось в голове Бекетова. – Я её когда-то слышал. Определённо слышал. Лернер. Именно Лернер. Но вот только где?»

Потом, решив не продолжать разговор, кивнул на прощание незнакомцу и, развернувшись, пошел дальше по направлению к выходу из мемориального комплекса.

Пора было возвращаться в Берлин. Следующий день предполагал множество торжественных мероприятий, которые подготовили для советских ветеранов немецкие товарищи. Друзья из Германской Демократической Республики делали всё, чтобы хоть как-то сгладить у них тяжёлые воспоминания о прошедшей войне.

Уже сидя в поезде местного значения, который мчал его в столицу ГДР, Фёдор Терентьевич невольно задумался о событиях последних дней. За окном мелькали станции и полустанки, кривой синусоидой выпрыгивали крыши однотипно подстриженных домиков, дробно на стыках выстукивали трудяги-колёса. Ветеран Бекетов устало откинул седую голову на подголовник высокого сиденья. Спать не хотелось, но и общаться со случайными попутчиками тоже. И он прикрыл глаза. Мысли хаотично возникали, давая пищу уму, а потом распадались на отдельные фрагменты и безвозвратно уносились опять куда-то в небытие. На сердце было спокойно. Он выполнил обещание, которое дал тогда в далёком сорок пятом своему другу:

– Сашка, ты держись браток, не сдавайся, – и поправлял жёсткое шерстяное казённое одеяло, которое накинули на тело его боевого товарища подбежавшие к «виллису» врачи. – Уже хорошо, всё позади. Здесь тебе помогут. Война кончается, Сашка. Ты слышишь меня, брат? Конец ей, заразе. Ты выдержал, ты сделал это. Не молчи, смотри на меня. Я рядом, я не оставляю тебя. Ты потом заберёшь этот дурацкий осколок с собой, и мы закинем его к твоему

ордену в стакан водки. И выпьем за жизнь, за твою Любовь. Она не отпускала тебя. Не давала тебе разрешения на уход. Ты слышишь, ты нужен ей. Она ждет тебя там, на Родине. А я вернусь к тебе через неделю. Я обещаю.

И голова Сашки Панкратова, как бы со всем соглашаясь, раскачивалась на носилках из стороны в сторону, и голубые глаза смотрели в такое же голубое бездонное небо, и рот как бы кривился в улыбке, растягиваясь в кровавую дорожку, сочившуюся сквозь его плотно сомкнутые губы. Дорогой образ его фронтового товарища в который раз за эти годы вышел к нему на встречу и спокойно, чуть с задором посмотрел, как бы говоря: «Ну что ты беспокоишься, мне уже хорошо», – и затем пальцем выбил сигарету из трофейной пачки и протянул ему.

Но ещё сильнее, вызывая необъяснимую тревогу, вспоминался Фёдору Терентьевичу недавний горячий разговор в купе международного экспресса Москва – Берлин, когда локомотив вырезал своими фарами тоннель из ночной мглы где-то на перегоне между Вязьмой и Оршей. В узкое вагонное помещение набилось сразу восемь человек. Поездка в дружеский, ещё социалистический Берлин всколыхнула ветеранскую память. Не могли заслуженные старики так просто заставить себя залечь на свои спальные места, чтобы скоротать ночной промежуток времени. Курьерский неотвратимо нёс их к западной границе, той самой, которая кровавым росчерком утренней зари 22 июня 41 года поделила жизнь, заменив мирное вчерашнее счастье на пороховую смрадную гарь. Как, откуда и почему возникло между так похожими друг на друга народами небывалое ожесточение, разлетевшееся по обеим странам вороньими стаями похоронок? Неужели это было так неизбежно и ничего невозможно было сделать, чтобы обуздать, укротить этот смертельный вихрь?

В купе на столике у окна сгрудились стаканы с недопитым чаем из вагонного титана, сиротливо пригорюнились сдвинутые в сторону две пустые коньячные бутылки, да пряталась в серую вощенную бумагу нехитрая домашняя снедь.

– Ну вот ты мне скажи, Николай Павлович, – не унимался сидевший напротив ветеран в белой рубаше с расстёгнутым воротом, – ты у нас здесь единственный генерал, а потому к тебе и вопрос. Разве нельзя было избежать внезапности? Почему Гитлеру удалось нанести по нам тогда в июне мощный, заранее подготовленный удар? Как случилось, что наша большая и в целом подготовленная армия как-то сразу оказалась не у дел и покатилась назад на восток? В этом явно просматривается ошибка нашего военно-политического руководства и лично Сталина.

Отставной генерал не торопился отвечать и, опустив голову, продолжал тщательно размешивать ложечкой сахар в своем стакане с чаем, и присутствующим стало казаться, что этот процесс занимал его гораздо больше, чем произнесенные слова товарища. Закончив подготовительную чайную процедуру, Николай Павлович поднял стакан на уровень глаз и зачем-то внимательно осмотрел его. Видимо, он не очень торопился с ответом. Вопросы он, конечно, слышал. Ничего странного или тем более выдающегося в них не было. Тысячи раз послевоенные политики страны и профессиональные эксперты по обороне задавали их, и никто так и не сумел дать однозначного и вразумительного объяснения.

– Ну так как же, Николай. Скажешь нам чего-нибудь или нет? – в голосе говорившего послышались нотки раздражения.

– А что ты собственно хочешь от меня услышать, Сергей? Ты не хуже меня знаешь обстановку накануне войны.

– И всё же, Николай Павлович, ты в конце войны командовал дивизией и участвовал в Берлинской операции, а значит был поближе к верхам, чем все мы. Я вот всю войну с первого дня прошел во фронтовой разведке и скажу тебе прямо, что разведка не ошиблась и регулярно докладывала командованию о мобилизационно-подготовительных операциях немецкого вермахта на территории Польши. А что вышло? Наш Западный округ и его командующий Павлов оказались полностью деморализованы и не смогли организовать оперативное управление вой-

сками. Более тебе скажу, начальник разведывательного управления РККА, Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Голиков Филипп Иванович, перед войной регулярно выкладывал разведдонесения на стол Сталину и наркому обороны Тимошенко С. К., в которых наша зарубежная агентура и разведчики-нелегалы из месяца в месяц сообщали о неизбежности нападения Германии на СССР. И в добыче достоверной информации отличились не только участники «Красной капеллы» в Германии или группа «Рамзая» во главе с Рихардом Зорге в Японии, но и многие другие сотрудники, чьи имена не стали достоянием гласности. Прошу, поверь мне в этом. Я как-никак отслужил в ГРУ, Главном разведывательном управлении министерства обороны, более 30 лет и вышел в запас в звании полковника и немало с чем знаком.

– Да верю я тебе, Сергей Гаврилович, верю, – ответил отставной генерал и оглядел собравшихся в купе ветеранов, глаза которых однозначно говорили о том, что этот вопрос интересует всех. Как-никак, а война пропахала их судьбы вдоль и поперёк, – но ради справедливости скажу, что в первые недели очаговые сопротивления Красной Армии были очень ожесточенными и временами носили успешный характер. Тому немало примеров и на Северо-западном и на Юго-западных направлениях. А Черноморский флот под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского вообще молодец. С упреждением сыграли боевую тревогу, не оглядываясь на Москву, и встретили авиацию и корабли противника как следует. И последовавшие многомесячные сражения под Одессой, Севастополем, даже Ростовом-на-Дону – это заслуга и моряков, и сухопутных частей в тех местах, где враг не застал их врасплох. Так что лучше не будем горячиться, Сергей.

– Ну хорошо. Пусть даже так. Но когда ты воочию видишь, что войска собраны и готовы к наступлению, то здесь двух мнений быть не может. Именно в таком состоянии находилась немецкая армия в июне 41-го года у наших границ. Не так ли?

– Отчасти так. Но только отчасти. Отмобилизованные войска, как ты говоришь, могут быть направлены и в любое другое место. Да, Гитлер их собрал на территории Польши, но у него за спиной была ещё не сдавшаяся Англия. А это как никак, но всё же «второй фронт». Так что при необходимости войска с берегов Буга могли бы за месяц опять быть переброшены к берегам Ла-Манша, что и предлагали сделать немецкие фельдмаршалы. Кроме того, вермахт подготовил все маршруты для вывода этих войск к Каспию и Аравийскому морю для завоевания ближневосточной и кавказской нефти, что для экономики Германии в то время было значительно важнее, нежели чем наши ковыльные степи. Ты, конечно, будешь прав, если скажешь, что в тот период уже был разработан «План Барбаросса», план нападения на Советский Союз, но давай будем объективны, мой друг, немецкий генеральный штаб был против его реализации летом 1941 года. И сроки наступления переносились многократно, также как в свое время в 1939 и начало вторжения во Францию. Военные аспекты – это только часть сложной мозаичной общеполитической картины. Однако в Германии возобладали непрофессиональные, а по сути авантюристические воззрения нацистской верхушки. Ну а о действиях Сталина, Молотова, Ворошилова судить в таком упрощённом ключе – занятие по меньшей мере неблагодарное. Как говорится: «каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека». Так что ты не обижайся, Сергей Гаврилович, но с окончательными выводами торопиться не следует.

– Подожди, подожди, Николай, – не унимался настырный полковник разведслужбы. – Есть и другие аспекты. Этак всё можно оправдать. Ты говоришь, что собранные в кулак немецкие войска, выдвинутые к нашим рубежам, нельзя однозначно воспринимать как явный признак неизбежного вторжения. А упомянутый тобой план «Барбаросса»? Разве он уже не был утвержден военно-политическим руководством Германии? Разве это не критерий неизбежной войны? Наша разведка вскрыла эти намерения противника и регулярно докладывала обо всём наверх.

– Верно Сергей говорит, – раздались одобрительные голоса. – Проспал Сталин и другие. Чего уж тут.

– Товарищи, давайте постараемся быть объективными, – умиротворяюще прозвучал голос отставного генерала. – Признаков было много, но их было и недостаточно. Согласитесь, что любая страна всегда и во все времена разрабатывает и утверждает планы военных кампаний как против потенциальных противников, так даже и в отношении миролюбивых соседей. Ну уж это-то аксиома. Кроме того, в последние месяцы перед июнем сорок первого Гитлер не только концентрировал войска у границ СССР, но и массировано перебрасывал авиацию и флот на атлантическое побережье Европы. Конечно, кто-то из вас скажет, что это была операция прикрытия. Логично. Можно даже сказать, что эти действия были своеобразным предупреждением Англии, чтобы не поддавалась соблазну ввязаться в события на континенте, когда будет открыт фронт против Советского Союза. И так ведь можно думать. В то время как никогда высоко котирировалось предположение о том, что Германия возобновляет операцию против Великобритании «Морской лев». Такая версия тоже не может быть отвергнута.

– Погоди, погоди. Николай Павлович, – подал свой голос маленький коренастый ветеран, которому неудобно было стоять в узком купе, так как приходилось выглядывать из-за плеч своих более габаритных товарищей. – А что, разве всеобщую мобилизацию заранее мы не могли объявить?

– А вот всеобщая мобилизация, дорогой мой друг, – в генеральском голосе явно прозвучала снисходительность, – это и есть уже война. А нам нужно было хотя бы на время уклониться от неё. Вы же все знаете, что оперативно-стратегические учения, которые в 1940 году провел наш генштаб, выявили неготовность, да что там миндальничать, можно сказать, элементарное неумение наших высших военных звеньев планировать и руководить масштабными операциями на уровне фронтов. Этому нужно было ещё подучиться. А что до предварительной мобилизации, для нас в тот момент она не была возможной, а вот Германия находилась в выигрышном положении, так как её войска и тыловые службы были давно отмобилизованы по штатам военного времени. Не забывайте, что немцы начали войну в Европе ещё в 1939 году и приобрели колоссальный опыт крупномасштабных военных операций. Вот и делайте выводы. А так, дорогие соратники, судить да рядить хуже некуда. Знал бы где упасть, соломки бы подстелил.

Ветераны загудели, как потревоженный пчелиный улей. Всех затронул, вовлёл в себя разгоревшийся спор. Каждый захотел выплеснуть из души наболевшее и поделиться с товарищами своим мнением.

«Э, нет, – решил про себя Фёдор Терентьевич. – Это без меня. Хватит с меня этих бесконечных пересудов. Стратеги доморощенные. Недаром говорится: молодым дела, старикам разговоры. Лучше прилягу, – и, раздвинув круг друзей, начал взбираться на верхнюю полку. – Здесь поспокойней будет».

Разговор внизу не мешал ему. Даже успокаивал и служил подходящим фоном для собственных мыслей. А их было немало.

* * *

22 июня смрадная коричневая жижа вытекла из европейского затхлого болота образца 1941 года и неостановимо стала растекаться по прибалтийским дюнам, украинским степям, кавказским предгорьям и среднерусской равнине.

В рядах вермахта бодро вышагивали недавние баварские пивовары, угольщики с Нижнего Рейна и сталевары Рура, учителя гимназий, мозельские виноделы и скотопасы с альпийских пастбищ. Всех вдохновляла вера в быстрый успех в России. А как же иначе, когда за полтора года вся Европа преклонилась перед германской железной волей. Всех вдохновляли молниеносные победы над когда-то грозными армиями Англии, Франции, Бельгии, Польши и т. д., результатом которых стали огромные территориальные приобретения, сотворенные германским вермахтом в стиле прогулочного шага по Эльзасу и Лотарингии, аншлюса Австрии,

аннексии Судетской области Чехословакии, двухнедельного разгрома изворотливой Польши и сорокадневного принуждения к миру размякших на контрибуциях Первой мировой Франции и Бельгии.

Пробивная сила национал-социалистов сгребала в свои ряды не только всевозможных маргиналов, но и успешно всосала многочисленных бывших социал-демократов, коммунистов, тех же пролетариев, так легко предавших свои прежние идеалы и отступивших от закона всеобщей солидарности трудящихся всех стран, как определялось уставными положениями Коммунистического Интернационала. Они стали отступниками 20 века во имя новой идеи расового превосходства, поверившими в счастливую звезду «богоподобного фюрера», так вовремя провозгласившего лозунги о создании супернации сверхлюдей, которым подвластно всё и обещаны гигантские земельные наделы и тысячи покорных рабов там, на просторах загадочного и такого манящего Востока.

И потому, стерев столетние границы с карты старой, дряхлеющей в путах многопартийности и бесконечных речей о демократической свободе Европы, вобрав в себя весь её совокупный промышленный и людской потенциал, они начищали сапоги и выглаживали ладную униформу для великого Восточного похода.

Сбоку и с тыла эту хорошо вымуштрованную и натренированную армаду германских захватчиков подпирала не менее жадные до чужого добра беспринципные сателлиты, явившиеся с берегов Балатона, пробравшиеся через лесистые Апусенские Карпаты Румынии, вылезшие из финских заметенных снегами оврагов, осмелившиеся пересечь пределы Апеннинского сапога и даже сползшие с отрогов Иберийских гор.

Всё это европейское воинство возглавлялось кондовым прусским офицерством, поднаторевшим в многочисленных восточных походах, но так ничему и не научившимся за долгие 11 столетий, несмотря на длинную череду поражений, таких как Ледовое побоище, Грюнвальдская битва и усеянные гниющими человеческими останками поля Вердена.

Придет время, настанет светлый майский день, когда будут сказаны слова И. В. Сталина о том, что «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией».

Не удалось хитроумному кавказцу оградить родную страну от надвигавшейся войны, когда в наличии у неё оказалось только 1500 новейших танков Т-34, а нужно было иметь 10 000 таких машин. Да хорошо бы удвоить число скоростных и манёвренных истребителей, чтобы отбить охоту у противника наносить массированные бомбовые удары по спящим городам и селам, а ещё надо было успеть создать промышленный пояс из оборонительных предприятий за Уралом.

Из-за этого возникла необходимость поставить подпись под пактом Риббентропа – Молотова, по сути единственного на то время договора о взаимной безопасности с Западной Европой. И поэтому стали тиражироваться призывы не поддаваться на провокации и сменяющие друг друга заявления о вечной дружбе с Великой Германией. И не случайно в кабинете Верховного стоял, бледнея, начальник Главного разведывательного управления Генштаба РККА генерал Голиков и выслушивал незаслуженные обвинения Сталина в том, что разведка работает из рук вон плохо, а все разведдонесения о неизбежности немецкого вторжения в период с февраля по июнь 1941 года оценивал на словах, маскируя свои истинные мысли, как провокацию британской Интеллидженс Сервис, мечтавшей столкнуть лбами двух гигантов: немецкую и советскую военно-тоталитарные организации.

Знал ведь, точно знал, что в рядах высшего командного состава Красной Армии и политического руководства страны может существовать возможность для утечки информации особой важности. Этакий лючок, свищ, через который вольно или невольно улетучиваются сведения, столь значительные по своему содержанию, что их утрата равносильна прямой угрозе самому существованию советского государства и населявшего его многонационального народа.

Разве до этого не было нескольких обманных лет, настоянных на радужных надеждах обрести братские отношения с немецким народом, подвергшимся такому же унижению и разграблению по итогам Первой мировой войны со стороны держав-победительниц, как и многострадальная Россия. Все обстоятельства, сопровождавшие жизнь людей в обеих странах: нехватка продовольствия, чудовищная многомиллиардная инфляция и немыслимое обесценивание национальных валют, развал промышленности и сельского хозяйства и многое другое, казалось, должны были побуждать народы двух стран сближаться, сочувствовать и поддерживать друг друга, а возможно и объединиться, чтобы выдержать напор колониальных империй, Британской и Французской, опьяненных своими предыдущими победами, испытавших вкус наживы за счет униженных и проигравших и оттого ещё больше алчущих новой крови и новых жертвоприношений.

И поэтому Россия открыла свои объятия, давая возможность тысячам германских летчиков, подводников, танкистов и артиллеристов обучаться в военных училищах, тренироваться и стрелять на полигонах Красной Армии и совершенствовать свое профессиональное мастерство.

Возникало и укреплялось чувство доверия, дружбы и непозволительной расслабленности в отношениях с немецкими офицерами и генералами, носителями традиционных идеалов прусского милитаризма. Здесь были все от талантливого танкиста Гейнца Гудериана, чьи панцирные орды громили советские армии в Белоруссии, под Москвой и Смоленском, до блистательного улыбчивого командующего авиацией Люфтваффе Кессельринга, чьи хищные стервятники немилосердно выклёвывали жизнь из городов и поселков, не брезгуя ради забавы гоняться над полями и дорогами за обезумевшими от страха и ужаса беззащитными женщинами и детьми.

И всюду в довоенные годы, где появлялись представители вермахта и предполагалось выковать единые советско-германские щит и меч, неутомимый Абвер, военная разведка Германии, стремился создавать «дремлющие» ячейки своей агентуры из числа забывших свой долг офицеров Красной Армии, работников политических органов, лиц, несогласных с политикой партии, и просто обычных, но чем-то обиженных советских граждан, купившихся на изощренные посулы, обещания, денежные преподношения, сопровождаемые самыми открытыми и дружескими улыбками.

Так неужели Сталин и подчинённое ему ближайшее руководство не понимали всего этого и были столь наивны и безответственны, чтобы вводить советских людей и свою армию в заблуждение, тиражируя в «Красной Звезде» и «Правде» поспешные заверения в добропорядочности Гитлера и его бездушной клики, убеждая свой доверчивый народ в их миролюбивом отношении к Советскому Союзу?

Думать так, скорее всего, является верхом политической близорукости или сознательным упрощением интеллектуальных качеств постреволюционного руководства советской страны. Неужели так можно воспринимать Сталина, считая его в чем-то схожим, скажем, с партийными назначенцами эпохи Горбачева или деятелями последовавшего за ним периода, для которых служебная карьера на пути к вершинам государственной власти строилась по принципу пересаживания из одного кабинета в другой, только размером побольше, и демонстрацией больше громогласной, нежели чем безмолвной, но всегда беспрекословной до поры до времени лояльности?

Можно ли подобную оценку применить к хитроумному кавказцу, начавшему формировать свой ум и волю ещё в годы отвязной и бесшабашной молодости в качестве главаря лихих абреков, устраивавших засады на купеческие караваны на каменистых дорогах в горных лесистых урочищах? Разве он не был достойным сыном седого Кавказа, где природная насторожённость и готовность к отпору впитываются с молоком матери, а ощущение надвигающейся беды или угрозы воспринимается не через слова, а на интуитивном уровне? Разве потом он не

доказал свои качества природного стратега, когда сформировался как убежденный марксист и одновременно как отчаянный организатор налетов на Тифлиссские и Бакинские банки с целью пополнить скудеющую казну родной для него социал-демократической партии? А чего стоят бесконечные интриги, подсиживания и шельмования в непримиримой политической среде, которой он посвятил столько лет, уверовав в коммунистическую теорию, и выжил, выстоял и превзошел других, может быть, не менее умных и изощренных.

Тот, кто прошёл тернистой извилистой дорогой борьбы за власть, несомненно достоин другого восприятия.

Сталину нужны были эти два бесконечно долгих, но жизненно необходимых года. Хотя бы два. Только тогда можно было надеяться, что советская промышленность нарастит темп и вместо имевшихся в распоряжении у Красной Армии 1500 танков Т-34 выдаст желаемые 10 000. Рассчитывать, что к этому времени выстроятся бесконечными рядами знаменитые и лучшие в мире орудия конструктора В. П. Грабина, а летчики-истребители наконец переседают с «Ишачков И-16» на современные Лаги, Илы, Миги, гордость последующего поколения героев-авиаторов.

А новое колхозное сельское хозяйство наконец сполна засыплет в закрома Родины янтраное ржаное и пшеничное зерно, которого так не хватало народу все мирные годы, потому что страны Запада соглашались отдавать молодой и такой упрямой советской стране свои паровозы и автомобили не за кормовую, а только за первоклассную столовую пшеницу, отказываясь от золота и предметов искусства. Все они надеялись, все ждали, что эта непонятная, неугомонная и такая непредсказуемая держава, страшная своим глубинным могуществом, наконец распухнет от голода, лопнет и рассыплется на мелкие осколки, которые с радостными кликами бросятся подбирать осатаневшие от долготерпения империалистические хищники.

И об этом он мог сказать только немногим. Может быть, Ворошилову, может быть, Молотову, может быть, кому-то ещё? Это могли быть только люди, которые были сто раз проверены и связаны с ним ещё тогда, с тех дореволюционных лет, времён непримиримых боев гражданской, которые не дрогнули в ходе взаимных самоистребительных политических баталлий с разномастными партийными уклонистами: право-левотроцкистами, трудовиками или другими стяжателями славы и власти на поприще всевозможных интерпретаций теории Маркса и Энгельса.

Он знал цену человеческому тщеславию, неуспокоенности и вечно зудящему чувству первенства. Он знал, как предаются даже самые, казалось, смелые и надежные. И поэтому понимал, что невозможно заткнуть все бреши и не допустить почти неизбежного перетекания сверхсекретных сведений из-за стен Кремля в другие европейские столицы: в Лондон и, безусловно, в Берлин. Не испытывал заблуждения в том, что можно в одночасье перестроить все умы и настолько укрепить духовные и нравственные силы всех советских людей, чтобы они оказались готовы для отражения вероломной агрессии. А потому пусть пока что фашизм считает, что мы «верим» ему, что наши войска не пересекут новую границу и останутся на рубежах старой. И поэтому все возможные в тех условиях мобилизационные мероприятия были позволены только далеко за Уралом, откуда в ноябре 1941 года явятся прекрасно обученные и полностью укомплектованные оружием и тыловым обеспечением дивизии.

Зачем тогда удивляться, как и откуда пришла эта неожиданная спасительная помощь? Из-за каких дремучих сибирских лесов, хрустальных рек и голубых, как небо, озёр вылилась эта необоримая сила?

А пока противник пусть видит, засылая в мирное русское небо свои «рамы», самолеты-разведчики, что наша авиация сосредоточена на немногих открытых аэродромах, а танки спокойно стоят в своих ангарах, что полевые войска расслабленно размещены в своих летних лагерях и неспешно готовятся к плановой учебе.

Пусть эта информация по незримым каналам стекается в Берлин и успокоительным грузом ложится на стол начальника оперативного управления немецкого генерального штаба в виде разведывательных донесений из разных источников. Пусть внушит она военному и политическому руководству Германии, что Советский Союз верен положениям союзнического по сути германо-советского Договора, известного более как Пакт Риббентропа – Молотова, и что ни И. В. Сталин, ни члены политбюро партии, ни начальник генерального штаба РККА К. Г. Жуков и министр обороны С. К. Тимошенко даже не помышляют о войне с Германией.

Как хотелось, чтобы Гитлер и его камарилья сделали такой вывод и повременили с приведением в действие плана «Барбаросса» и занялись бы уже начатыми, но ещё не доведенными до конца делами на Западе, и прежде всего, борьбой с Англией.

А ведь так думать было бы со многих точек зрения логично, не открывать же в конце концов второй фронт против восточного гиганта.

Ведь к этому взывали все классические выкладки военной стратегии, содержащиеся в работах талантливых немецких военных теоретиков Мольтке и Клаузевица. Ведь не сумасшедший же в конце концов Адольф, вождь немецкого народа, чтобы сразаться одновременно с двумя противниками.

Не мог же он не понимать, что Великобритания, воюя с генерал-фельдмаршалом Роммелем за свои колонии на Ближнем Востоке, готовится перенести войну и на европейский континент, с юга ли через Италию, или перепрыгнув через Ла-Манш, с севера. Как доведётся. Рано или поздно. Не важно. Ведь об этом говорили Гитлеру его самые верные и неукоснительно преданные идеям национал-социализма исполнители его преступной воли, лучшие командующие немецкой армией – Вальтер фон Браухич, Теодор фон Бок, Ханс фон Клюге, Вальтер Лист и Манштейн.

И для того, чтобы такое решение сложилось в воспалённых головах новоявленных завоевателей мира, СССР готов был делать вид, что отобилизованные и вооруженные до зубов немецкие войска, сосредоточенные вдоль берегов Буга и Немана, находятся там только для того, чтобы в глубоком тылу в тысячах километров от атлантического побережья Франции и Средиземного моря завершить мобилизационные приготовления для дальнейшего броска в аравийские пустыни с выходом к нефтяным промыслам Ирака и Ирана и в последующем развита наступления на Индию, сокровищницу, житницу и ресурсную базу Британской империи.

Это был бы её конец, и тогда возобновленная германская операция «Морской лев» с высадкой на вечно зеленом острове оказалась бы не сложнее, чем пересечь Ла-Манш на прогулочном морском катере. Что бы тогда остановило Гитлера? Ведь должен же он был понимать, что все его скоротечные победы над малыми и большими странами Европы были своеобразным подарком со стороны европейской элиты, проявившей намеренную беспомощность и передавшей в руки набиравшего силу фашизма свои государства со всеми нетронутыми складами и запасами, отлаженной и работающей промышленностью и эффективным сельским потенциалом. И самое главное, свои передовые технические достижения, и умелых инженеров, и профессиональных рабочих, которые, может быть, по принуждению, но тем не менее с удвоенной энергией стали трудиться, накачивая мускулы германскому «тысячелетнему» рейху.

Неужто руководящие европейские круги и впрямь так были напуганы коммунистической химерой, что предпочли раболепствовать перед фашистским монстром в надежде, что он в конце концов ринется на советские бастионы, сокрушит их и затем сам, обескровленный и измученный схваткой, бездыханным рухнет на их руины?

Неужели в этом в те времена заключался основной смысл пораженческой «высокой» европейской политики, посчитавшей, что таким образом она сможет с минимальными потерями для себя одним выстрелом убить сразу двух зайцев?

Поверить в другое просто невозможно, вспоминая ту сверхизобретательность и изощренность в выборе политических средств, которые проявила французская и английская дипло-

матия в самом начале 20-го века, готовя войну с кайзеровской Германией, страной несомненно более могущественной в военном и экономическом отношении, нежели чем гитлеровская Германия накануне 1 сентября 1939 года.

Дайте нам ещё только ДВА заветных года, и тогда советский народ не узнает, что такое потерять пятую часть своего населения и половину своей промышленности. Больше чем воздух нужны были эти ровно два года.

Может быть, в этом и была великая тайна Сталина? Кто мог тогда или сейчас проникнуть в тайны его многогранного и изобретательного ума? Ясно было одно – непростительно до поры до времени вспугнуть зверя и позволить ему внезапно вырваться из своего зловещего логова. Ещё требовались недели и месяцы, чтобы успеть подготовить новые рубежи обороны, приучить войска к маневренной войне с массированным использованием мобильной техники, прежде всего танков.

Необходимо было извлечь уроки из неудач, которые сопровождали Красную Армию в боях на КВЖД, Халхин-Голе и в Финскую кампанию. Непропорционально велики были понесенные тогда потери. Слишком дорогой ценой были завоёваны эти победы. Непозволительно долго учились красные командиры суворовской науке – «побеждать не числом, а умением».

И поэтому стране нужны были эти годы. Их надо было вырвать у беспощадного времени руками, зубами, чем угодно, изворачиваясь, соглашаясь, демонстрируя деланную беспечность, заключая неожиданные временные союзы, наконец, с пониманием того, что любая публичная резкость, несдержанность, непродуманное поспешное заявление, нелепая политическая поза неизбежно обратятся в реки людской крови, страдания матерей и гибель их детей, создадут смертельную опасность для молодой неокрепшей советской республики, получившей по воле немилосердного рока лишь двадцать, с 1920 по 1940 г., быстротечных относительно мирных мгновений, чтобы собрать остатки народных сил, измотанных четырьмя годами Первой мировой бойни, последовательно перетекшей в свое логическое, но бесконечно кошмарное продолжение – затяжную гражданскую схватку, в которой брат почти сладострастно убивал своего родного брата, а отец единственного сына.

Как заветного глотка воды, нужно было добиться, чтобы Гитлер поверил своим многочисленным доносчикам, разбросанным по всем странам мира, сидящим в чопорных зданиях на Даунинг-стрит в туманном Лондоне, или обряженным во фраки лощёных брокеров с Уолл-стрит в Нью-Йорке, или одетым в униформу офицеров Рабоче-крестьянской Красной Армии с четырьмя «шпалами», а то и ромбами, что Советский Союз спокоен и дружелюбен и занят исключительно созидательным трудом на стройках Днепрогэса и Магнитки, так как в этой полуразрушенной за многие годы нескончаемого бедствования стране забот было не счесть.

Если бы, если бы. А там, глядишь, и не решился бы выжидавший своего случая коварный враг подступиться к ошестинившейся тысячами доменных труб и анфиладами поднятых к небу зенитных орудий советской державе, и развернулся бы он, чтобы вонзить свои оскаленные клыки в других хищников из своего ближайшего окружения, отсиживающихся за тридцатью километрами Ла-Манша.

Не получилось. Не вышло. Сработало звериное чутьё у германского политического руководства и военного командования, догадавшихся, что июнь 41-го – это последний срок, когда можно попытаться проломить затылок красному исполину.

А между тем, стекавшиеся к Сталину данные упрямо утверждали, что немецкие войска, сосредоточенные на наших западных границах, не имеют запасов зимнего обмундирования и снаряжения, а на склады армейского подчинения не завозятся горюче-смазочные материалы и топливо зимних марок.

Кто, если он в здравом уме, будет планировать начать военную кампанию в России без валенок и зимней одежды? И как быть танкистам, которые не смогут запустить моторы, когда на улице будет минус 25 С, а то и все минус тридцать, а откатные механизмы пушек откажутся

возвращать стволы орудий, так как их смазка будет уже не смазкой, а превратится в комья вязкой инертной тягучей черной глины?

Так что, может быть, нам повезёт, и война не разметёт вишневые цветы выпускных баловных вечеров июня 1941 года, которые для вчерашних десятиклассников могли бы стать путевками в большую радостную жизнь, а не повестками на призывные пункты военкоматов, уже занятых тем, чтобы в спешном порядке сформировать очередную стрелковую часть, получившую приказ выдвигаться на фронт?

Но выбора больше не было, потому что сработала психология оборванного контрибуциями немецкого мелкого буржуа, которая толкала миллионы простых германских мужиков на Восток, туда, где раскинулись немереные плодородные земли и жили сметливые трудолюбивые люди, которых так кстати можно будет использовать для возделывания их же бывших собственных территорий. Каждый солдат вермахта мечтал вырваться из тисков безрадостного пребывания в качестве измотанного заботами о хлебе насущном труженика.

Здесь, именно здесь в России, на её залитых солнцем и щедро поливаемых теплым июньским дождем равнинах их ждала новая счастливая судьба и великая надежда стать наконец-то полновластными помещиками, самостоятельными владельцами десятков гектар плодороднейшего чернозема, и сотен покорных рабов, и многих отчаявшихся и на всё согласных женщин. Так они думали. И это был шанс для каждого из них.

И потому добротные, подкованные стальными гвоздями, укороченные немецкие сапоги плотно втоптывали пыль в проселочные украинские дороги. Высоко в синих небесах горлалили чибиры, радуя суровое солдатское сердце, дружно кивали украшенными желтыми лепестковыми коронами подсолнухи, жарило полуденное солнце, разливая вокруг томное степное марево.

Война стремительно катилась дальше, на Восток, за Днепр, туда, где должна была быть поставлена окончательная победная точка в очередном тевтонском проекте с тысячелетним названием – “Drang nach Osten” – в Москве.

Весёлое думалось немецким солдатам о грядущем счастливом окончании войны. Ведь при первом же ударе дрогнули миллионные славянские рати и обратились в хаотичное стремительное отступление, бросая на бегу свое оружие и технику, своих раненых. Сотни тысяч их уже никогда не встанут, не поднимутся в знаменитую русскую штыковую атаку, о которой рассказывали молодым немецким новобранцам искалеченные ветераны последней мировой. А ещё больше врагов сдалось в плен и теперь, согнанные в сумрачные, покрытые белесой дорожной пылью встречные колонны, под конвоем направлялись на принудительные работы во благо великого рейха и его фюрера.

И потому вечно требовательный и надоевший всем ротный фельдфебель уже воспринимался пехотинцами как вполне доступный, милый парняга, с которым так приятно будет выпить хмельного баварского пива, гогоча от удовольствия, когда пенная пузырящаяся шапка вдруг разлетится снежными хлопьями и прилипнет к усам и щекам при попытке сдуть её с верхушки мерной литровой кружки-кругеля. Так будет, непременно будет потом, немного погодя, после Великой победы, как обещал всеми обожаемый и непогрешимый их вождь Адольф Гитлер.

И поэтому прочь все сомнения, приказ есть приказ и его надо выполнять без жалости в сердце и сомнений в голове – надо гнать, уничтожать этих русских и нерусских варваров, туда, в глубь Пинских болот и на дно Валдайских оврагов.

А пока что было так хорошо быть всем вместе в ровном строю вымуштрованных маршевых порядков, и шагать всё вперёд и вперёд, туда, за линию горизонта, ощущая плечом рядом идущего товарища, перекинув винтовочный ремень через обветренную загорелую шею и положив на ствол веснушчатые ухватистые руки с закатанными по локоть рукавами, и дружно

петь, подбадривая друг друга, задорную походную песню «Хорст Вессель» о прекрасном юном штурмовике, отдавшем свою молодую жизнь ещё тогда, в беспросветные годы убогой Веймарской республики, за то, чтобы всё было так, как сейчас. И вдыхать полной грудью степной воздух, напоённый ароматом тысяч луговых цветов. Хорошо, и главное, всё предельно ясно. Впереди великая цель.

Гайдн, Моцарт, Бетховен, Вагнер, Бах, Гейне, Кант – кто ещё? – великое порождение великой германской культуры, пытливого ищущего германского духа. Всё осталось в далёком прошлом, во вчерашнем дне, когда ещё не наступил рассвет 22 июня 1941 года. Всё теперь ни к чему. Ушло в небытие, туда, где за туманным Бугом прижалась, затихла в безмолвном ожидании своей дальнейшей участи растерзанная Польша.

Теперь Он уже здесь и идёт по нашим тучным золотистым нивам, неубранным полям, равнодушно топча поникшие, набитые зерном колосья неубранного урожая, – Он, покоритель Европы и новый её хозяин, вырвавшийся из огненного круга Ада многоликий Зверь, вооруженный не только превосходным оружием, произведённым на заводах Круппа и Тиссена, но и безоговорочной идеей уничтожения каждого, кто осмелится воспротивиться его жестокой воле хладнокровного убийцы-рационализатора.

И потому остается только одно – укротить это Чудище. Не загнать его в клетку, а стереть с лица Земли как опасное противоестественное явление, способное превратить всё человечество в отвратительных монстров, пожирающих плоть себе подобных.

Пройдёт немного времени после рассветной июньской поры первого дня войны, и на страницах «Красной Звезды» разольется набатный вскрик добрейшего интеллигента Ильи Эренбурга – как последняя мольба, обращенная к бойцу Красной Армии, о спасении жизни на Земле, только потому, что германский народ по своей воле встал на службу «черному Злу». Немыслимые, непозволительные слова в мирное время. А тогда?!

Предисловие

Четыре года войны. Срок более чем достаточный, чтобы измотать в кровь, в конец, любого даже самого стойкого и выносливого человека. Было что вспомнить ветерану:

Был сногшибательный, ошеломляющий по своей силе и неожиданности удар армии вторжения, и неудивительно, что стрелковая часть, в которой служил лейтенант госбезопасности Фёдор Бекетов, так и не успела занять оборонительные рубежи, назначенные ей командованием корпуса. И теперь полк залег, как говорится, в складки местности и пытался спешно оккупываться. Нет, вырыть и оборудовать окопы полного профиля уже времени не было. Хотя бы создать перед собой какие-нибудь защитительные холмики из срезанного дерна, и то хорошо. Уберечь от пуль, а тем более снарядов они, конечно, не могли, но наличие такого весьма символического укрытия придавало бойцам больше уверенности.

Полк вытянулся в длинную линию, особо стараясь прикрыть фланги, чтобы не допустить прорыва в свой тыл подвижных подразделений противника, прежде всего, шустрых и наглых мотоциклистов с пулеметами МГ-34.

«Да, негусто, – подумалось Фёдору. Он с сожалением и каким-то неизъяснимым и неуместным для данного случая чувством тревоги и неуверенности за исход дела принялся оглядывать рассыпавшихся бойцов. – Ведь винтовки есть только у каждого третьего, а все остальные имеют деревянные муляжи, с которыми тренировались новобранцы на плацу. Что же случилось? Почему не вскрыты полковые и дивизионные склады с оружием? Кто сплеховал? Начальник караула, дежурный по полку? Сам командир? Или на складе ничего не было? Не даром же неделю назад зам по тылу суетился и грузил на полуторки винтовочные и патронные ящики? Неужели для отправки в тыл? Кто отдал такой приказ? Ладно, спокойно. Разберёмся. Потом, после боя».

– Всем лежать, подготовиться, без приказа не стрелять, – вдоль цепей суетливо забегали ротные. И действительно, впереди показались какие-то точки, которые с каждой минутой становились всё крупнее и больше.

– Мать честная, ты посмотри, – начали перекликаться друг с другом бойцы, – ты посмотри, как они идут. В полный рост. Винтовки у каждого, а офицеры с автоматами. Они что, ничего не боятся или белены объелись?

– Да не, – хмыкнул упитанный ефрейтор, недавно призванный из мобрезерва. – Это они своего шнапса напились. У них так положено.

– А ну, прекратить разговоры. Это что ещё за трёп. Всем подготовиться. Прицелиться. Взять противника на мушку.

– Ну, что ты думаешь обо всём этом? – комвзвода, младший лейтенант Сашка Панкратов, подполз к Фёдору.

– Думаю, ничего хорошего ждать не приходится, – Фёдор присел и прислонился спиной к березе, за которой создал себе укрытие. – Немцы наглеют потому, что знают, что за ними сила. Слышишь, как заливаются офицерские свистки? Как у нас когда-то во дворе. Морально хотят нас подавить. Уверен, если что, они и танки подтянут, а против них у нас немного чего есть. В батальоне только два бронебойных ружья да противотанковые гранаты. А с ними до танка надо ещё умудриться добежать. Кто сумеет? Большинство бойцов – гуга зеленая, первогодки да резервисты с пузцом. Сашка, у тебя есть закурить? Чего-то холодно в горле.

Младший лейтенант Панкратов полез в нагрудный карман, вытащил из него мятую пачку папирос и ловко перебросил её своему другу: – Да, верный расклад. Ну да ладно, делать нечего, поживём – увидим, – с расстановкой произнес он.

Прошло ещё несколько необыкновенно долгих минут.

– А теперь огонь по наступающему противнику, – как эхо, пронесся по линии стрелков приказ батальонного командира. В разноразной зашёлкали выстрелы. С флангов и по центру ударили пулемёты. Особенно хорош был пулеметчик справа. Его «Максим» работал зло, четкими короткими очередями, и, видимо, хорошо прижал немцев к земле, потому что их продвижение в этом направлении больше не наблюдалось. И вдруг пулемёт как будто на что-то наткнулся, закашлял и прекратил стрельбу.

– Это что за бардак? Почему расчет справа прекратил стрельбу? Бекетов, давай быстро туда. Проверь обстановку и чтобы у меня пулемёт заработал через пять минут. Ты всё понял? Тогда действуй, – и командир батальона Кондратьев, пригибаясь и придерживая, чтобы не хлопала по бедру, планшетку, побежал в другую сторону, заметив, как бойцы неумело устанавливают противотанковое ружьё.

Со стороны немцев начали посвистывать пули. Сдернув с головы фуражку, то ли для того, чтобы не потерять её на бегу, то ли затем, чтобы немцы не сумели определить в нём офицера, лейтенант Бекетов, периодически останавливаясь и припадая на одно колено, довольно быстро перебежками добрался до правого фланга рубежа обороны батальона.

– В чем дело, почему прекратили стрельбу? – ещё на бегу крикнул он. «Максим» стоял на своем месте с заправленной лентой. Молодые бойцы, как галчата, сбились в кучу и лишь с испугом таращили глаза на подбежавшего к ним малознакомого лейтенанта. Потом один из них показал на что-то неподвижное, лежавшее в стороне от позиции и прикрытое походящим на серое армейское одеяло покрывалом.

– Это что ещё такое? – Бекетов резко сдернул покрывало. Перед ним на земле лежало тело мертвого красноармейца с окровавленной пробитой головой.

– Немцы? – Фёдор обернулся к бойцам.

– Никак нет, – срывающимся голосом ответил один из них, который лицом и выправкой казался постарше других. – Это сделал наш комвзвода, лейтенант Жулеба. Он достал наган и выстрелил сзади в Петро, т. е. рядового Нечипоренко, который вел огонь из пулемёта. Потом навел на нас оружие и сказал, что Нечипоренко враг, и приказал, чтобы мы лежали тихо, и ушёл.

– Куда ушёл? – почти крикнул Фёдор.

– Да куда-то туда, – бойцы дружно и неопределенно махнули руками в сторону. – Мы крайние. Рядом с нами наших войск нет.

– Так почему же вы, олухи, не задержали его или не пристрелили в конце концов?

– Да как же его задержишь? У нас и винтовка одна на всех. Да и не разобрались мы сразу.

С немецкой стороны опять раздались залихватистые трели офицерских свистков, поднимающих пехотинцев в атаку. На этот раз немцы изменили тактику и продвигались вперёд рывками, отвоёвывая метр за метром.

– Всем вернуться на свои позиции, – крикнул бойцам Бекетов и сам бросился к пулемёту. – Огонь по готовности, – и, жестко обхватив ручки, вдавил пальцы в гашетку. «Максим» вздрогнул и, дергаясь, стал посылать в сторону врага стаи смертоносных пчёл.

«Значит, Жулеба. Ясно. Перебежчик. Запомню. Найду, гада, – думал Фёдор, не спеша поворачивая ствол пулемета вправо-влево, как добрый косарь, который рано поутру аккуратно выкашивает под корень росистую, налитую соками траву. – Выходит, враг не только впереди, но может быть и сзади, или рядом, такой же, как и ты сам, во всём свой, с улыбками и кубиками в петлицах, но от того ещё более страшный, потому что свой, нераспознанный, непонятый. Ладно, ничего, поймём и это».

Неподготовленная, рассчитанная на показуху немецкая атака не задалась, и солдаты вермахта опять принялись разыскивать что-то носом в сухой, укрытой пожухлыми стеблями степного ковыля земле. Подбадриваемая своими командирами, немецкая пехота стала мед-

ленно пятится назад. Стрелковый полк принял первое боевое крещение и выдержал испытание огнём. Настроение в окопах поднялось.

Выслушав доклад лейтенанта Бекетова о событиях на правом фланге, командир батальона Кондратьев, думая о чём-то своем, сказал:

– Ладно, Фёдор, случай с Жулебой – это по твоей части, а пока что надо с ротными поговорить. Думаю, что немцы нас только прощупали и определили слабость наших позиций. Теперь будут давить техникой, а подрывать танки нам практически нечем. Я запросил командира полка, но он не обещает даже «сорокапятков». То ли отстали, то ли потерялись. Сам чёрт не разберёт.

Неожиданно откуда-то сбоку донёсся истошный крик – «Воздух», и почти одновременно с ним всё ближе и ближе один за другим стали раздаваться мощные взрывы. «Летающие карандаши» – «Дорнье», встав в круг, начали методично вспахивать позиции полка. Кругом стоял вой и свист от летящих вниз осколочных бомб и выматывающий душу невообразимый грохот. Голова отказывалась что-либо соображать. Вскинув глаза к небу, Фёдор Бекетов видел только проносящиеся черные кресты и ни одной спасительной красной звездочки. Оставленный без воздушного и артиллерийского прикрытия полк был обречён. Это было ясно даже самому зелёному бойцу-первогодку.

Внезапно всё стихло. Фёдор Бекетов с трудом оторвал себя от земли и присел на корточки. Разевав рот, как выброшенный волной на берег карась, он мотал головой, пытаясь вытряхнуть из неё звенящую глухоту. Перед глазами плавали оранжевые круги, не давая возможности сфокусировать зрение и увидеть, что творится вокруг. Изнутри выворачивало так, что хотелось выплюнуть наружу желудок вместе с кишками, только бы избавиться от этого непереносимого тошнотворного чувства.

«Кажется, жив и цел», – трясущимися руками Фёдор, качаясь и ещё плохо соображая, принялся ощупывать своё тело. Всё было на месте. Даже не ранен. Только сорванная форменная фуражка вместе с лопнувшим от взрывов подбородным ремешком куда-то безвозвратно укатилась. Глаза постепенно восстанавливали способность воспринимать действительность. Картина случившегося становилась яснее, обретая более-менее четкие очертания.

Там, где были полуокопы, возникли завалы из земли и деревьев, смешавшие в бесформенные кучи людей и их оружие. Всюду были разбросаны клочки одежды, разорванные солдатские ботинки, обгоревшие обмотки, оторванные части рук и ног. И сгустки темнеющей на воздухе крови, испятнавшие всё, к чему лейтенант пытался дотянуться.

– Эй, парень, лейтенант, ты живой что ли? Очнись. Встать можешь?

Фёдор с трудом поднял гудящую, как вечевой колокол, голову. В затылок кто-то бесноватый беспрестанно выстукивал барабанными палочками бешенную дробь.

«Это кто надо мной? Может быть, комбат? Похож на него. Но почему он плывёт в облаках? И кто это размахивает кронами берез? Вправо-влево, влево-вправо. И почему шевелятся его губы? Что он хочет сказать мне?»

– Да очнись ты, Бекетов, – командир батальона Павел Кондратьев тряс особиста за плечо. – Да ты, я вижу, контужен. На ноги встать можешь? Вот что. Давай-ка я отведу тебя к тем березками. Там у нас медпункт оборудован, – и, подхватив под руки Фёдора, почти на себе потащил его в мелколесье, где растерянные полковые санинструкторы пытались хоть как-то помочь израненным и умирающим людям. Воздух был наполнен стонами и криками от непереносимой боли. Один катался по земле, другой в беспамятстве срывал с себя наспех наложенные, заскорузлые от пропитавшей их крови бинты. Большинство лежали неподвижно, и лишь иногда шевелились пересохшие губы, произносившие то ли слова молитвы, то ли просьбу – дать живительную влагу. Между многочисленными ранеными метались санитары, обезумевшие от свалившихся на них забот и вида беспредельного человеческого горя, впопыхах на скорую руку пытаясь делать перевязки, приложить к искусанным губам флягу с водой и сказать

столь необходимые и столь бесполезные уже для многих слова утешения. Не хватало ни бинтов, ни йода, ни носилок. А со всех сторон бойцы всё подносили и подносили своих иссеченных осколками раненых и погибших товарищей.

Затихла взрытая черными воронками ковыльная степь, замолк её вечный голосистый певец жаворонок, не слышно более его зазывных: «юли-юли-юли». Людская злоба и бессердечие погубили его, и лишь небесный бродяга, степной орел, всё ещё не сдавался и продолжал нарезать в вышине свои неторопливые круги, дивясь тому, что больше не узнает родного края, где он вырос вольным и свободным и где должны были бы родиться и опериться его птенцы, по которому теперь расплзалась смрадная пороховая гарь.

Оборонительные позиции батальона и всего полка были практически уничтожены. Скромный перелесок с растерзанными пулями и бомбами малорослыми деревцами, столь характерными для чахлой южнороссийской природы, не мог более выполнять функции пригодного для боя укрытия.

Как всегда, возникший вовремя и из ниоткуда Сашка Панкратов разыскал Фёдора и присел рядом с ним.

– Ну что, брат, оклемался? – спросил он, участливо положив руку на плечо друга. – Ты держись, не вешай носа. Ты же у нас всегда молодец.

Вот сейчас отправим тебя в тыл. Там тебя подлечат и вернешься в строй, – голос младшего лейтенанта Панкратова звучал деланно бодро и чересчур уж оптимистично. – Хлебни-ка лучше водки. Нет, нет, из моих рук, – продолжал Сашка, заметив, как сильно трясутся руки у друга.

Фёдор попытался сделать глоток. Его кадык задёргался, но глотательные мышцы словно атрофировались. Открыв рот, он с выдохом выплюнул водку и, продышавшись, проговорил:

– О чём ты говоришь? Какой тыл? – с трудом протолкнул слова Фёдор Бекетов через занывшее, сведенное судорогой горло. – Я никуда, я здесь останусь.

– Да послушай, чужак, – Панкратов придвинул губы и горячечно зашептал Фёдору в ухо. – Полка практически нет, дай бог осталось пятьдесят процентов от прежнего состава. С вооружением тоже хана. Одним словом, комполка созвал оставшихся в строю командиров и объявил решение. Связь со штабом дивизии утрачена. Ни один посыльный не вернулся. Соседей ни справа, ни слева нет. То ли разбиты, то ли отошли, не знаю. Фланги не прикрыты. Разведка тоже ни хрена не знает. Может быть, гады и обошли уже нас. Раненых, которых можно ещё спасти, отправляют на подводах в тыл. Но телег ни на что не хватает. Тебя приказано посадить на одну из них. Автотранспорт, который был, полностью разбит.

– Я никуда не пойду, – давась комками слов, выдавил из себя Фёдор. – А как другие раненые бойцы?

– Тяжелораненых приказано оставить. Пока. Да что ж ты такой упрямый? – Сашка в сердцах хлопнул ладонью по земле. – Ты пойми, полк отступает. Приказ уже отдан. Для прикрытия остается только батальон Кондратьева. Вернее, от него осталась только рота. Неповрежденные противотанковые ружья все переданы Кондратьеву.

– А ты? – Фёдор поднял руку, чтобы стряхнуть со щеки приставшую серую грязь.

– А что я? – ухмыльнулся Сашка. – Я с Кондратьевым. Ладно, вижу, тебя не убедить. Тогда посиди здесь и никуда не дергайся. А я на позицию. Гансы вот-вот опять попрут, и не сомневайся, на этот раз уже с танками.

Не прошло и пяти минут, как за деревьями скрылась пропыленная Сашкина гимнастерка, как издали, всё нарастая, послышался гул тяжелых машин.

– Танки, немецкие танки, – послышались встревоженные голоса.

Сцепив зубы и преодолевая боль, которая засела у него где-то за позвоночником, лейтенант Бекетов попытался подняться, цепляясь руками за тоненький ствол березки, у которой его посадил комбат Кондратьев. Это ему удалось, и Фёдор, подхватив какую-то ветку, срезан-

ную осколком со ствола дерева во время недавней бомбардировки, ковыляя, побрёл в сторону, куда недавно ушел его друг.

– Ты чего, Фёдор? – Сашка Панкратов оглянулся на дохромавшего до него Бекетова. – И без тебя управились бы.

– Ничего, – в ответ буркнул Фёдор и принялся помогать Панкратову ладнее развернуть длинное бронебойное ружье. – Я у тебя за подносчика патронов буду.

– Ладно, черт с тобой. Только голову не забудь пригибать. Видишь, танки уже недалеко. Пусть пройдут метров двести и открываем огонь.

Гул танковых моторов, сопровождаемый скрежетом гусениц, становился всё отчётливее, подавляя все другие звуки. Почти разом заухали танковые орудия, посылая снаряды с большим перелётом, куда-то туда, где были оставлены раненные бойцы.

Сводная рота под командованием комбата Кондратьева молчала. На позициях были выставлены все противотанковые ружья, которыми располагало подразделение. Перед бойцами выложены связки противотанковых гранат.

Пусть ещё подползут. Ну ещё на метр, на два, на три... Чтобы можно было вернее вогнать снаряд в черное мазутное брюхо грубых, громоздких, воняющих удушливым запахом бензина и соляры железных конструкций. Чтобы красноармейцы смогли одним броском добежать до них и забросить гранаты в их лязгающие траки. Во что бы то ни стало надо выиграть время и дать полку время выйти из окружения, вынести своих беспомощных раненых и пробиться к основным силам, и сохранить символ своей чести и гордости – полковое знамя. А для этого надо ещё выждать. Немного, но надо, наматывая на кулак нервы, до хруста сжимая зубы, только бы не раскрыться перед врагом раньше времени, сберечь себя и свой огневой запас для самого нужного момента, когда он уже не сможет сдержать движение своей механизированной армады и не застынет на безопасном для себя расстоянии, чтобы начать засыпать линию стрелков градом стальных болванок с тротилом.

Лейтенант Бекетов, с трудом поворачивая голову, осмотрелся вокруг. Словно в плохом кинематографе из оплывших кадров пленки стала возникать картина разворачивающегося сражения. Сгорбившиеся в наспех вырытых ямках бойцы, казалось, превратились в серые бесформенные валуны, ошетилившиеся трехгранными жалами штыков и тупыми рыльцами пулеметов. Побелевшие костяшки пальцев до боли впились в жесткие деревянные ложа винтовок. Невыносимо ожидание. Скорее бы уж приказ – открыть огонь, чтобы скинуть с души неподъемное бремя томительной паузы, чтобы ощутить, как бешеный ритм сердца в висках сливается с протяжными россыпями пулеметных и автоматных очередей. Чтобы забыть обо всем и, раззявив кричащий что-то несурзное слюнявый рот, безостановочно клацать неповоротливым винтовочным затвором, досылая в дымящийся приемник патрон за патроном. Только бы закончилась эта выжигающая всё изнутри неопределённость.

А железные чудища уже нависали черным саванным покрывалом над передним краем, изрыгая из своего бездонного маслянистого чрева столпы огня и пулеметные очереди. Земля дрожала и осыпалась глинистыми ручейками.

Рота замерла в ожидании приказа. Вдруг кто-то из красноармейцев дрогнул и, как испуганная ящерица, вдавливая себя в бугорки и ложбинки, неуклюже виляя выпяченным в затертых штанах задом, стал отползать назад. Один, другой, третий... Молодые, необстрелянные парни, не расстрелявшие в мирное время на ученьях и пары обойм. Но рота лежала.

– Огонь. По наступающему противнику – огонь! – перекрывая вражеский гул и скрежет, раздался голос комбата.

Сразу увесисто захлопали противотанковые ружья, сухо защелкали винтовочные выстрелы, затрещали пулеметные очереди, встраиваясь в общую какофонию сражения. Рота приняла бой.

– Да куда ты садишь, мать твою? – напрягая плохо работающие голосовые связки, крикнул Фёдор своему другу. – У тебя снаряды летят в башню, давай в моторный отсек. У них танки бензиновые. Бей туда, – и вложил очередной патрон в патроноприемник.

Сашка Панкратов с усилием передернул затвор и, казалось, слился щекой с ложем ружья. Выстрел, ближний танк как будто наткнулся на какое-то незримое препятствие и остановился. Чуть погодя из его моторной части вырвался густой черный дым и огонь начал расползаться от кормы к люку механика-водителя.

– Есть, здорово, есть! Горит, родимый!

Вот дальше по линии вспыхнул второй, третий... Из люков начали вываливаться танкисты в черной униформе. Бежали, падали, катались по земле, нелепо хлопая руками по всему телу, только чтобы загасить вцепившееся в промасленную одежду ядовито-багровое пламя. В беспамятстве вскакивали и потом окончательно валились бездыханными снопами, скошенные пулями, на ставшую для них такой негостеприимной русскую землю. Немецкая атака пару раз ещё дёрнулась и окончательно захлебнулась. Танки стали пятиться и разворачиваться назад.

«Так вам, гады, так. Ничего, мы научимся. Мы всё запомним, за всё ответите, – лихо радочно думал лейтенант Фёдор Бекетов, сменив у противотанкового ружья раненного осколком в плечо Сашку Панкратова. Остервенело дослав очередной бронебойный патрон в патроноприемник, он стал тщательно выцеливать одного из уползающих железных монстров. – Не уйдёшь. Не успеешь. Достану, непременно достану. Прямо в закопченную выхлопными газами корму. Главное, выбивать у них эти проклятые танки».

Справа, прямо над ухом зазвучали короткие автоматные очереди. Это его боевой дружок, изобретательно устроившись на земле, лежа на боку, одной рукой вел огонь из ППШ по отступающему противнику. Отстрелянные гильзы, как горячие каштаны, зацокали по каменистой земле, разлетаясь в разные стороны.

Сводная рота Н-ского стрелкового полка удержала позиции и отбросила немцев на исходные рубежи.

* * *

Война неудержимо катилась на Восток, оставляя за собой сгоревшие в термитном огне города, поселки и деревни с выставленными в небо черными печными трубами. Жизнь покидала места недавних боев, в страхе убегая от заваленных солдатскими трупами полей. Очумевшие от бесконечного ужаса, ещё недавно мирные и хозяйственные люди искали для себя убежища, утратив чувство человеческого сострадания даже к своим родным и соседям. Всех сковал леденящий страх смерти, которая рассыпала с неба гроздь фугасных бомб, а на земле снарядами и пулями рвала в клочья слабые податливые тела и разносила в руины дома и постройки, превращая их в груды дымящегося кирпича и дерева.

Немецкие подвижные колонны легко срывали попытки Красной Армии создать эффективную оборону с тем, чтобы измотать наступательный порыв противника в позиционных боях. Отдельные случаи героического сопротивления в «котлах» давали мало ощутимые результаты, никак не влиявшие на общую обстановку на фронтах, где велись непрерывные бои, растянувшиеся от финских лесов до галечных пляжей Феодосии.

Н-ский стрелковый полк растворился в кутерьме общего отступления, и Фёдор Бекетов на протяжении всей войны больше о нём не слышал и не знал даже, где его боевое знамя.

Рота прикрытия прекратила своё существование, и бывший командир батальона капитан Павел Кондратьев, собрав остатки живых, вёл их по незнакомой местности, обходя стороной брошенные людьми населенные пункты и стремясь выйти в расположение любой регулярной красноармейской части. Его маленький отряд насчитывал чуть более десяти человек, все, кто уцелел к кровавой мясорубке.

Надо было торопиться. Огненные клещи фланговых ударов вермахта то брали в стальной обхват отходящие дивизии и корпуса Красной Армии, стараясь их перемолоть в кровавое месиво, то нехотя размыкались, уступая упорству и самоотречению советских бойцов и командиров, раз за разом встававших из июльской степной пыли в отчаянные жертвенные атаки.

Каждый километр давался людям с трудом. Половина отряда имела пулевые и осколочные ранения. Оставшиеся в распоряжении комбата два лейтенанта, единственные уцелевшие из заградоты офицеры, также держались из последних сил: Александр Панкратов уже почти не ощущал свою раненую руку. Она распухла и сильно саднила. Сашка устроил для неё поддерживающую повязку и придерживал при ходьбе другой рукой, пытаясь унять ноющую боль. В голове у Фёдора Бекетова черти всё ещё не могли успокоиться и продолжали, надрываясь, стучать в пустые железные бочки, но постепенно и они утомились. Дьявольский концерт в мозгу стал постепенно стихать, скрадывая последствия от перенесённой контузии. По крайней мере исчезла изматывающая, подкатывавшая к горлу тошнота. Наконец Павел Кондратьев объявил очередной привал и позвал к себе своих офицеров.

– Вот что, парни, так мы долго не выдержим. Люди измотаны и голодны. Воды и еды мало. Раненые ещё держатся, но скоро их придется нести.

Обстановка нам не известна, но по усиливающейся канонаде можно судить, что мы приблизились к зоне боестолкновений. Отсюда резко возрастает возможность натолкнуться на подразделения немцев или на остатки наших деморализованных частей, от которых в данный момент толку никакого.

Кондратьев присел на корточки, достал из планшетника карту и развернул её.

– Вот мы примерно здесь, – произнес он, тыча грязным ногтем в какую-то точку рядом с цифрой, обозначающей безымянную высоту. – А это значит, что до Днепра не более ста верст. Предполагаю, что немцы уже замыкают кольцо окружения на этом берегу, но если мы успеем добраться до реки, то у нас есть ещё шанс через неё переправиться, а там свои. Конечно, если крупно повезёт, но кто в живых останется расскажет, что Н-ский полк и сводная заградительная рота свои задачи выполнили. – Потом подумал и добавил. – Как смогли. Что думаете по этому поводу? – спросил он, поднимая черные впадины глаз на своих офицеров.

Фёдор Бекетов вздохнул, поправил портупею и сказал:

– Обстановка ясна, товарищ капитан. Днем по всем обстоятельствам мы уже передвигаться не сможем. Ночные переходы также невозможны: у нас раненые и мало времени. Немцы скоро начнут зачищать занятую территорию. Нужно где-то раздобыть грузовую машину. Тогда часа за три мы одолеем эти версты. Опять же, если подфартит.

Лейтенант Бекетов наклонился ниже, нависая над плечом своего комбата, и ногтем по карте провел условную линию.

– Вот здесь, километрах в трёх от нас, обозначена дорога, возможно, областного значения. Там могут быть машины: брошенные или попутные.

– Мыслишь правильно, Бекетов, – в голосе комбата послышались одобрительные нотки. – В общем так. Я и Бекетов идём на дорогу, а ты, Панкратов, остаешься здесь у оврага с ранеными бойцами, и никаких «но», – словно отрезал он, увидев, что Сашка пытается что-то возразить. – У тебя самого ранение, да и крови ты потерял много.

Потом поднялся в полный рост, ладонями выбил из темно синих бриджей накопившуюся пыль и добавил:

– И вот что, Фёдор, возьми у Панкратова фуражку, а то ходишь безголовый, да не забудь прихватить автомат, но раньше времени не выпячивай его.

Быстро приведя себя в порядок, капитан и лейтенант отправились в направлении, где проходила просёлочная дорога. Представшая перед ними через некоторое время картина выглядела безрадостной и наводила на мысли о крупном разгроме частей Красной Армии и уничтоженном гражданском населении. Вдоль трассы то здесь, то там застыли разбитые ору-

дийные лафеты, перевернувшиеся танкетки, легкие танки с сорванными башнями и сожжённые автомобили.

Угнетающую обстановку дополняли разбросанные по придорожным канавам, прилегающему полю и свесившиеся с бортов сгоревших грузовиков человеческие тела в солдатской униформе и гражданской одежде беженцев.

Видимо, «хорошо» поработали здесь немецкие «лапотники», Юнкеры-87, и танкисты генерала фон Клейста.

– Здесь мы ничего не найдем, – прохрипел своим шершавым, давно не чувствовавшим вкус воды горлом Фёдор Бекетов.

Неожиданно на горизонте показалось растущее с каждой минутой облачко пыли, которое вскоре превратилось в несущийся им на встречу по обочине довольно внушительный грузовик. Наши или немцы?

– Вот что, Фёдор, ты пока что сдвинь ПППШ за спину. Не будем никого пугать прежде времени, но будь наготове, – скупое сказал комбат и поднял руку, давая знак автомобилю остановиться. Раздался скрип тормозов и трехтонный бортовой ЗИС замер в пяти шагах от них, подняв густое облако пепельно-серой пыли. Кузов грузовика был забит разномастным народом: солдатами, если судить по петлицам, разных родов войск, почти все без винтовок, и пёстрым набором гражданского населения: женщины с напояженными лицами в легких кримпленовых и ситцевых платьях и раскормленные пузатые мужчины в мятых пиджаках, брюках и рубашках с короткими рукавами. Над бортами возвышались груды какой-то поклажи: тюки, баулы, спальные матрасы; торчали прямоугольные углы чемоданов. За рулем сидел сумрачный пожилой сержант, рядом с которым виднелась фигура с околышем офицерской фуражки на голове.

Кондратьев и Бекетов подошли ближе.

– Куда направляется машина? – сухо спросил комбат водителя-сержанта. Тот молчал, устремив взгляд вперёд, словно этот вопрос был задан не ему. В это время открылась боковая дверца и на подножку вылез незнакомый командир.

– По какому праву задерживаете транспорт? – звенящим от напряжения голосом почти закричал показавшийся офицер, держась одной рукой за стойку кабины. – Я майор Присуха из штаба 4... моторизованного корпуса. Немедленно отойдите в сторону!

– Прошу прощения, товарищ майор, – капитан Кондратьев приложил ладонь к козырьку, отдавая честь, – но вы движетесь в неверном направлении. За нами немцы. Надо разворачивать машину.

– Отойди от грузовика, капитан, – уже в открытую орал майор. – У нас предписание. За неподчинение старшему по званию знаешь, что бывает. Я тебя под трибунал отдам, сукиного сына!

– Не мешайте нам, не мешайте, – раздалось из кузова визгливые со всхлипами женские голоса, – мы беженцы. Оставьте нас.

«Значит, это дезертиры, и не исключено, что ещё и мародёры», – пронеслось в сознании стоявших офицеров.

Капитан Кондратьев, не сводя глаз с майора, медленным страшным движением расстегнул кобуру и рывком вытащил свой ТТ и направил его в грудь Присухе. Тот оцепенел от неожиданности, бледность разлилась по его одутловатому лицу и толстые губы запрыгали, пытаясь что-то сказать. Сухо щелкнул пистолетный выстрел. Майор сразу осел и бесформенной кучей провалился вниз под колеса ЗИСа. Одновременно с выстрелом лейтенант Бекетов вскинул свой ПППШ и дал над головами замерших от неожиданности беглецов длинную очередь. Люди в кузове оцепенели. Несколько человек упали, закрывая голову руками, на днище грузовика, будучи уверенными, что их всех здесь же на месте расстреляют. Ни сидевшие в кузове опе-

шившие бойцы, никто не решился сделать хотя бы малейшее движение или найти слова для собственного оправдания.

Бесславно закончил свою жизнь бывший майор Красной Армии Присуха. Безымянным трупом остался лежать в дорожной пыли на бескрайних просторах знойной украинской степи. Навеки запятнал позором свои командирские петлицы, предпочтя чести офицера плен и дезертирство. Как трус бросил свою часть, свой дом и детей, оставив их на поруганье наступавшему врагу.

– Сержант, вон из-за руля, – строго, голосом, не терпящим возражений, приказал капитан. – Всем гражданским лицам забрать свои вещи и покинуть грузовик. – Раскормленные дядьки и разряженные тётки, как горох, посыпались из автомобиля вместе со своими тюками и баулами.

– Фёдор, садись за руль, а я в кузов. – С этими словами он взял у лейтенанта автомат и, опершись сапогом о колесный скат, ловким движением перебросил свое ладное мускулистое тело через борт, чтобы расположиться на лавке напротив сгрудившихся на другом конце кузова перепуганных красноармейцев.

Вскоре ЗИС-5, забрав остатки сводной роты, уже нёсся по проселочным дорогам. Перед отправлением, когда в кузов машины были посажены здоровые и раненые бойцы и разложено оружие, капитан Кондратьев подошел к лейтенанту Бекетову:

– Вот что, Фёдор, – промолвил он, – к тебе в кабину сядет Панкратов. Так надо. Он ранен, но тебе помочь сумеет: будет сверять наше движение с компасом и картой. Постарайся как можно меньше отклоняться в сторону. По моим расчетам, если не собьемся с пути, мы должны выскочить к Днепру где-то между этими населенными пунктами. Взгляни на карту. Я буду в кузове: надо присмотреть за дезертирами и помочь нашим раненым бойцам. – Потом дружески положил свою широкую с крепкими пальцами ладонь на рукав форменки Фёдора, добавил, – от тебя сейчас зависит жизнь всех этих людей. Старайся по возможности прижиматься к перелескам и использовать складки местности, но так чтобы и машину не разбить. Нам повезёт, если немцы нас с воздуха не заметят.

Взревев мотором, машина тронулась с места и быстро набрала скорость. На открытых ровных участках Фёдор утапливал педаль газа в пол, по максимуму выжимая из выдавшей виды «трехтонки» всё, что она могла показать. – «Главное успеть, главное проскочить». – Проселки причудливой змейкой то виляли вправо, то забирали влево, то совсем неожиданно уводили назад, а затем устремлялись опять вперед, вновь возрождая надежду. – «Проскочим». – За окнами кабины мелькали отдельные островки деревьев с обвисшими от жары ветвями, лощины и кособоры. ЗИС безостановочно мчался всё вперед и вперед, выбивая из грунтовой поверхности столбы пыли, которая сворачивалась за ним в длинный песчаный шлейф, который как нарочно приклеился к заднему борту грузовика, выдавая направление их движения. Южное июльское солнце, протянув к земле свои раскаленные руки-лучи, беспощадно выжгло ещё недавно цветастый степной ковёр, оставив на земле только безобразные пожухлые стебли да скукожившуюся в серые сухие комки траву.

«Демамаскируем себя, демамаскируем», – с тоской думал Кондратьев, вцепившись обеими руками в перекинутую поперёк кузова доску, призванную служить скамьей для пассажиров. Машину трясло и бросало, и казалось, что её железная подвеска не выдержит такого насилия над собой и вот-вот сама по себе начнёт разваливаться на составные части. Когда попадали на дорожные колдобины, руль метался из стороны в сторону и стремился провернуться в сжатых в кулаки руках Фёдора. Раненые с бледными отрешенными лицами превозмогали тряску и вызванную ею боль, стиснув зубы, лежали и сидели, прислонившись спиной к бортам кузова.

Завывая мотором, ЗИС преодолел очередной подъем и медленно сполз в низину холма, чихнул мотором и остановился. Подходящего переезда через широкий обвал в земле не было. Вернее, он был, но это были не бревна и не камни. Ров перед капотом «трехтонки» был завален

трупам, служившими настилом для проезда техники. Оpoznать принадлежность погибших людей было невозможно: из перемолотого колесами прошедших до того грузовых автомобилей месива уже сложно было выделить, кто лежал в этой братской могиле. Лишь кое-где валялись вперемешку красноармейские пилотки, смятые немецкие каски, какие-то женские платки да сапоги и солдатские ботинки без подошв. Головы со срезанными лицами были крепко впечатаны в грязь на безвестной украинской дороге.

– Ты что, лейтенант? А ну вперед, – перегнувшись через борт, закричал Бекетову комбат, – ты что раскис, как девица? Немедленно вперед.

Грузовик, заурчав двигателем, на первой скорости, медленно двинулся вперед, осторожно перебирая колесами жуткую мостовую.

Война уже успела пройти по этим местам, оставив после себя зловещие отметины и собрав обильный урожай. Смерть уравнила всех: и героев, и отступников, благородных в своих помыслах и поступках, и нищих духом, предоставляя последующим поколениям людей вынести каждому свое суждение.

Ещё не закончился июль 41-го, а гражданское население уже стало привыкать к каждодневным несчастьям и бедам, которые сливались в реку общечеловеческого горя. Мирная жизнь, в которой ещё можно было надеяться на проявление участия и милосердия к ближнему, исчезла. Ей на смену пришла привычка равнодушно воспринимать страдания чужих и близких, потому что сердце уже успело притерпеться к собственным скорбям и мукам. И лишь самые мужественные и отчаянные не давали упасть наклонившемуся знамени, вдохновляя слабых, призывая стойких не отчаиваться, а объединиться, чтобы совместными усилиями низвергнуть Зло, пришедшее на нашу Землю.

Наконец, впереди блеснула лента бассейна Днепра. Добрались. Можно вздохнуть с некоторым облегчением. ЗИС выкатился в район ниже от места впадения реки Конки в Днепр. Никакой организованной переправы, конечно, не было. Перед бойцами открылись широкие просторы днепровских плавней, перемежёванные многочисленными водными рукавами. Добраться до противоположного берега Днепра было крайне непросто. Это была сложная задача, так как поймы двух рек протянулись на многие сотни метров, образовав очаговые затоны и густые камышовые заросли. То тут, то там встречались разрозненные группы бойцов и командиров, видимо, из состава отступающих красноармейских подразделений, явно занятые подготовкой переправочных средств. Люди, скинув гимнастёрки, а зачастую и форменные брюки, кто в белых армейских подштанниках, кто в хлопковых черных трусах до колен, били и стучали топорами, пытаясь в спешке соорудить из подручного материала пригодные для сплава самые причудливые плоты и плотики. Повсеместно раздавались окрики и слышалась перебранка. Все явно спешили закончить свою работу и с тревогой постоянно поглядывали в небо, опасаясь налета вражеской авиации. Признаков единого организованного командования не было вообще. Хаос и неразбериха царствовали в этом мире страха и нервозности. Это уже не были мужчины, спаянные дисциплиной и приказом и готовые противостоять внешней агрессии. Нет, действиями красноармейцев и их потерявших рычаги управления командиров руководило лишь паническое желание быстрее оттолкнуться от злосчастного берега и скрыться от того ужаса, который неотвратимо надвигался на них с Запада.

Выбрав на берегу более-менее подходящее место для выгрузки, Павел Кондратьев подал команду – «спешиться» и построил спрыгнувших из кузова людей.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан, – из строя выступил пожилой сержант, сидевший за рулем грузовика во время первой встречи.

– Обращайтесь.

– Я хочу сказать от имени всех бойцов, что мы не знали, куда мы едем. Мы ничего плохого сделать не хотели. Майор Присуха ничего нам не объяснил, и мы думали, что он поступает правильно.

– Ладно, сержант, – уголок жесткого разреза губ комбата приподнялся, обозначая то ли усмешку, то ли недоверие. – Как Ваша фамилия? Захарчук? Хорошо, встаньте в строй. Причину и обстоятельства ваших действий сами объясните на том берегу командиру первой строевой части, которую мы встретим. А пока поможете остальным соорудить плот, – а сам про себя подумал: «Но ведь свое оружие они где-то бросили».

– Товарищи, – повысив голос, продолжал комбат, – надо соорудить плот, который предназначен только для сильно раненных и оружия. Остальные, кто на ногах или легко ранен, плывут самостоятельно и помогают вывести плот на стремнину. Всем ясно? А сейчас приказываю приступить к работе. Используйте бревна и толстые сучья, вынесенные рекой на берег, и разбейте деревянные борта грузовика. Эти доски послужат нам настилом.

Не всем довелось достичь спасительного левого берега Днепра. Многие, простреленные пулями и оглушенные бомбовыми разрывами, опустились на дно в его прохладные, хрустальные воды, чтобы навек успокоиться в тихих глубинах и не ведать более бессмысленных в своем бессердечии человеческих поступков.

Налетевшие крестоносные штурмовики выстроились в губительную, леденящую душу вертушку и не успокоились до тех пор, пока их пилоты уже не могли различать, то ли под ними плывут разбитые в щепки бревна, то ли это безвольные немощные тела погибших красноармейцев.

Всех закрутила метель войны. Исчез в этом вихре и мужественный комбат Павел Кондратьев.

И всем становилось ясно, что для спасения нужна неукротимая воля. Из самой гущи народа возникал этот всё более нарастающий, как гонимая на прибрежные утесы яростным штормом океанская волна, призыв, что неумолимому коварному неприятелю надо противопоставить такую силу, которая сумеет дать возможность отважным проявить себя на поле боя, поддержит слабых и павших духом и успокоит, а если надо, то и принудит тех, кто отступился и разуверился, потому что внутри каждого уже вызревала убежденность в том, что на нашу Землю пришёл враг неведомый, необычный, которого ещё не знала История. Ему уже недостаточно было заполучить твою страну, выгнать тебя из родного дома или забрать твою душу. Нет, всего этого ему было уже мало. Он хотел уничтожить тебя и твоих детей и стереть саму память о том, что когда-то на этой земле проживал мирный и трудолюбивый народ.

А потому надо было собрать воедино сильных и слабых, здоровых и увечных, больших и малых, правых и неправых, сторонников и их оппонентов, чтобы остановить разгулявшегося Хищника. Если потребуется, то и превзойти его в его же жестокости, и единым народным порывом переломить ему хребет. И потому самоотречение и самопожертвование должны стать нормой, обыденным правилом, простым и естественным образом военного бытия.

* * *

Внизу за столиком всё ещё продолжались горячие пересуды. Фёдор Терентьевич свесил голову вниз и увидел, что большинство ветеранов разошлось по своим купе, и только неугомонный полковник Сергей Гаврилович продолжал донимать расспросами снисходительного бывшего командира дивизии, да сбоку от него, скособочась, уютно похрапывая, прикорнул ещё один заслуженный участник дискуссии.

Фёдор Терентьевич опять откинулся навзничь. Сна не было. Да всё почему-то ломило спину. Сомкнул веки, пять минут поворочался. Всё без толку. Здесь неудобно, там давит. Так всегда бывает, когда долго не удастся заснуть. Даже легкая дрема, и та, негодница, прошла. Может быть, так подсознательно действовало приближение советско-польской границы, откуда всё и началось, или мозг оказался взбудоражен досужими разговорами о собы-

тиях пятидесятилетней давности, или это неумолимый возраст, напомнивший о возрастающей немощи, изломавшей прежде выносливое молодое тело? Кто знает? Очевидно, всё вместе.

Перед глазами успокаивающе плавал только синий свет потолочного ночника, чем-то напоминая приглушенный проблеск походного фонаря. Новые мысли о старом продолжали свой витиеватый полёт.

«Эхе-хе. Задним-то умом все крепки. 41-й приговорный год. Ни голову поднять, ни сердце разорвать. Всё смято, завальцовано в тоскливое безнадёжье. Дикое и бессмысленное начало жутких родовых мук грядущей, омытой потом, слезами и кровью Победы. Истый Спас на Крови».

Эпизод первый

Война всё ближе подкрадывалась к Москве, облизывая своим горячим испепеляющим дыханием её дальние окрестности. Подбадриваемые партийными активистами москвичи один за другим выстраивались в молчаливые военкоматные очереди, чтобы спешно влиться в необученные, плохо вооруженные, но исполненные пафосным мужеством добровольческие дивизии. В колоннах в перепоясанных ремнем стеганных ватниках стояли вчерашние десятиклассники, так и не узнавшие прощального горячего девичьего поцелуя. Стояли с впалыми щетинистыми лицами пожилые сталевары с завода «Серп и Молот», стояли бывшие учителя средних школ и старшекурсники московских вузов. Колыхались в рядах винтовки времен Первой мировой, хранившиеся на полузабытых мобилизационных складах на самый отчаянный случай. Приторочены за плечами вещевые мешки с парой шерстяных носков и теплой фуфайкой, шуршала вошенная бумага с нехитрой домашней снедью: сухарями, сахаром, может быть, куском отварного мяса или завёрнутым в тряпицу шматком жилистого сала, сохранившим тепло трепетных женских рук да следы случайно упавших скорбных слёз.

Неспешным шагом, без громких песен и лишних слов, безвозвратно уходили в морозную ночь безгласные полки, оставляя за спиной свои семьи, своих родных и любимых, своих беспомощных стариков и детей. Потому что не было более никого, кто мог бы защитить их, так как легла в землю лучшая часть регулярной Красной Армии, разбрелись по котлам окружения её остатки, да в оврагах и буераках осталось ржаветь её бывшее славное оружие. Потому что только так можно было защитить свой дорогой город, остановить панику и безоглядное бегство и успокоить отчаявшихся женщин, бросавшихся к уходящим бойцам и предлагавших себя, только бы не стать легкой добычей и не оказаться в потных похотливых руках озверелого врага.

Нужно было выиграть время, чтобы собрать новую армию, подтянуть последние резервы из-за далеких сибирских кряжей, вырыть новые противотанковые рвы и утыкать их непреодолимыми стальными «ежами», а ещё успеть повыше натянуть стропы аэростатов, чтобы не дать немецким летчикам легкую возможность пройтись над Москвой на бреющем полете, с ювелирной точностью рассыпая по её площадям и бульварам свой смертоносный груз. Именно поэтому кому-то надо было ночи напролет дежурить на крышах домов, выковыривая огненные шипящие «зажигалки», и ловить в перекрестье лучей вражеские бомбардировщики. Зашагали по московским улицам беспрекословные милицейские патрули, задерживая паникёров да мародёров, и расстреливали их на месте, так как закон военного времени был прост: не можешь – поддержи, не знаешь – научим, не хочешь – заставим.

В судорожной попытке сдержать немецкий яростный порыв на огромном 1200-километровом фронте, где разворачивались трагические события операции «Тайфун», Ставка Верховного Главнокомандования страны бросала в бой последние, зачастую случайные резервы, только бы заткнуть бреши в системе обороны столицы, которая ежечасно расплзалась по швам под ударами группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока.

В штыковую атаку в полный рост под любимую песню «Таня, Танечка, Татьяна моя» шли на немецкие пулеметные гнезда бесшабашные курсанты пехотных и артиллерийских училищ города Подольска, удивляя врага и восхищая своих командиров беспримерным мужеством, чтобы своей молодой отвагой, своей непрожитой жизнью выбить немцев с насиженных мест и отогнать их на день, на два подальше от Москвы.

Сходу из вагонов выгружалась прямо в бой 316-я героическая памфиловская дивизия, еле поспевшая на помощь столице из далёкого Казахстана, чтобы навечно лечь в стылую подмосковную землю, но не пропустить немецкие танковые клинья.

Надо было выиграть время, пока не подойдут из-за Волги и из Сибири полностью укомплектованные ударные армейские части. Задержать, отсрочить, остановить немцев – лозунг

тех дней Битвы за Москву, важнейшей битвы для исхода Великой Отечественной войны, да и Второй мировой в целом. Ведь если бы случилось худшее, то ещё не окрепший моральный дух народа был бы значительно, может быть и окончательно подорван, а наши лукавые расчетливые союзники, Великобритания и США, с большой вероятностью пошли бы на мировую сделку с фашистской Германией. И понятно за счет кого: разделив нашу страну на множество подчиненных протекторатов.

Десантно-штурмовой батальон, действовавший в глубоком немецком тылу на протяженной территории между Западной Двиной и Смоленским Приозерьем, с ходу взял поселок Береговое. Даже не поселок, а просто большую деревню с хорошими тесаными избами, аккуратным зданием сельсовета и большим строением местного клуба, любимым местом сбора молодежи из окрестных деревень. Война уже успела оставить в прежде мирном селенье свой разрушительный след, нарушила прежний уклад жизни, разогнав половину его жителей, кого в эвакуацию, а кого по личным подворьям, из которых лучше было не высовываться, особенно в вечернее и ночное время.

Стоявший в Береговом немецкий охранный батальон был практически полностью уничтожен, но командование части не было в восторге от полученного приказа.

Внезапность и стремительность – огромное подспорье для бойцов-десантников. Накануне батальон, выполнив скрытый выход к населенному пункту, расположился на лесной поляне в густом урочище, уже присыпанном декабрьским снегом. До ближайшего немецкого блокпоста оставалось примерно километров пять-шесть. Опасность быть обнаруженными была невелика. Наступившие ранние зимние сумерки надежно скрадывали эту угрозу – по ночам соваться в русские лесные дебри немцы не любили. Вот только местные жители на свою беду могли забрести, куда не положено, но передовые дозоры решат и эту задачу. Чтобы ещё раз обсудить предстоящую операцию, командир десантников, майор Александр Корж, собрал подчиненных ему командиров:

– Ещё раз пройдемся, кому что делать. Ты, Василий, – обратился он к конопатому, одетому в короткий белый полушубок командиру батальонной разведки, – ликвидируешь блокпост. Чем меньше будет шума, тем меньше будет у нас потерь. Понятно? – Василий согласно мотнул головой, на которой каким-то чудом на одном ухе держалась сдвинутая набок залихватская кубанка с темно-красным верхом.

– Ты, Фёдор, что скажешь?

– Задача ясна, товарищ майор, – ответил теперь уже старший лейтенант Бекетов. Злоключения на Украине были позади. Чудом выжившие на днепровской переправе люди из его заградроты были произвольно распределены по отступавшим под натиском вермахта частям Красной Армии и уже больше не выходили из затяжных арьергардных боев.

Получив за боевые заслуги из рук командования Орден Красной Звезды, Фёдор долго стоял один, то сжимая, то разжимая в своей огрубевшей жесткой ладони полученную награду, и всматривался в её рубиновые лучи, словно стремился разглядеть в них светлые лики павших фронтовых товарищей.

И теперь под зимним полушубком у Фёдора на левой стороне груди, над самым сердцем был приторочен к гимнастерке этот пропахший пороховым дымом орден, да в петлицах парадным строем выстроились три маленькие кубика.

– Для моей роты задача ясна – осуществить захват склада с имуществом и уничтожить его.

– Это главная часть операции, Фёдор. Не забудь, что рядом находится небольшая ремонтная база. Её также нужно ликвидировать. Остальные роты по сути помогают и обеспечивают твои действия, решая задачу блокирования и уничтожения немецких подразделений, дислоцированных в этом селе. Ты мой зам, но на завтрашний день заместителем становится лейтенант Панкратов. Он подстрахует меня при штурме казармы. Вопросы, замечания есть?

– Никак нет, всё ясно, – первый откликнулся Фёдор. Как-никак, но он второе лицо в батальоне и готов ответить за всех. – Но всё же можно поинтересоваться?

– Валяй, – улыбнулся Корж, решив, что теперь можно отойти от уставных формальностей, и, вынув расшитый чьей-то умелой рукой цветастый кисет, предложил всем офицерам разобрать на самокрутки забористый кременчугский табачок. – Что тебя беспокоит?

– Не совсем понятно, почему Центр изменил первоочередность наших задач. Нам оставался день пути, чтобы подойти к месторасположению штаба танкового полка немецкой дивизии. Его уничтожение дало бы нам в руки карты и документы о планах немецкого командования. Кроме того, захваченные штабисты могли бы оказаться полезными источниками информации.

– Кто ещё так думает? – возвысил голос Корж. – Ясно, все так думают. Тогда должен пояснить, хотя приказ есть приказ и его не обсуждают. Логика центра верная. Карты и прочее – это, конечно, хорошо, но на здешнем складе находится кое-что поважнее. Сюда немцы свезли со всей Витебской и частично Смоленской областей полушубки, валенки, платки, кофты, одним словом теплые вещи, всё, что может пригодиться для зимней кампании. На этом складе сосредоточено имущество, достаточное для того, чтобы обогреть две полноценные дивизии. На носу зима и зима, похоже, лютая, поэтому эта одёвка и обувка для немцев будут поважнее даже танкового полка. Теперь всё. Разговор закончен. Выступаем часа через четыре, на рассвете. Костров не разжигать. Устроить только один в укрытии для разогрева еды и чая. Этот затушить. Курить можно. Бойцам выдать по сто грамм водки и выставить дополнительное охранение. Приступить к выполнению.

Корж поднялся, стряхнул рукавицей прилипший к ватным штанам снег и, подозревая политука, пошел в направлении деревьев, у которых расположились его бойцы.

Ночь выдалась лунная и звёздная, так что без фонарей и лучин вполне можно было обойтись. Лесные великаны непроходимым частоколом обступили поляну, на которой расположились десятки людей. Кто-то деловито осматривал оружие, стараясь не звякнуть затвором, другой заботливо подгонял по ноге лыжные крепления, прекрасно понимая, что любой недосмотр в мелочах одного может привести к провалу всей операции. Обидная непозволительная оплошность, которая в условиях рейда по тылам противника каралась одним единственным приговором, продиктованным суровым военным временем.

* * *

– Verdammt, noch einmal. Was fuer ein ekelhaftes Land? (Проклятие, что за ужасная страна?) – пробормотал в свой обкуренный нос пожилой вахмистр. – Эй, Ганс, – крикнул он другому постовому, который безуспешно пытался вытянуть повыше воротник своей шинели, чтобы хоть как-то защититься от утреннего холода, который уже добрался до его лопаток. – У тебя есть закурить? У меня сигареты кончились, а от этого чёртова мороза кишки прилипли к рёбрам.

Ганс недовольно повернулся на голос своего начальника и, похлопывая руками по бокам, чтобы согреться, подошёл к нему. Осторожно откинул полу шинели, боясь растерять тепло, и вытащил из кармана брюк помятую пачку сигарет.

– Скоро ли конец нашей смены, господин вахмистр? – спросил он своего командира, слегка оттянув ото рта шерстяную маску, которая закрывала три-четверти его лица и хоть как-то уберегала щёки от обжигающего декабрьского ветерка.

– Да должно быть через полчаса, – пробурчал вахмистр, недовольно косясь на маленький сарайчик сбоку от дороги, в котором полевая жандармерия устроила для себя временный полевой пункт. Скорее бы забраться за эти дощатые стены да выпить горячего чая с ромом. От одной этой мысли у вахмистра судорожно щелкнули челюсти. «Вот уж не повезло,

так не повезло, – продолжал размышлять он, – вместо того, чтобы сидеть сейчас где-нибудь в Провансе с веселой на всё согласной француженкой на коленях и потягивать себе из бокала замечательное розовое вино, приходится маяться в этой гиблой глуши и охранять никому не нужный блокпост на глухой дороге, ведущей в никому не известный поселок с дурацким названием «Бреговое» или «Борогое». Тьфу, не выговорить никак. Что за варварский язык, что за ужасная страна, населенная упрямыми азиатами, которые до сих пор не хотят нам сдаться?»

Ветеран европейской компании 1939-40 годов даже передернул плечами от нетерпения, так ему захотелось перенестись из этой промозглой России в благословенную солнечную Францию.

«А всё мой дурацкий язык. Если бы я не высмеял тогда этого молоденького сопляка лейтенанта, отказавшегося выпить с солдатами шнапса, – оказался абстинентом на мою беду, – то всё было бы нормально. Кто знал, что у него родной дядя генерал, который решит по стариковской мстительности сослать меня на Восточный фронт? Для укрепления духа, как он сказал. Плевал я на это укрепление. А всё-таки жаль. Загорал бы сейчас на берегу Роны, а не мыкался здесь и не перепрыгивал бы с ноги на ногу от этого треклятого мороза. А тут ещё моя Гретхен с её дурацкими просьбами. В каждом втором письме напоминает, чтобы я не забыл прислать ей из Москвы шелковые чулки и резиновые боты. Размечталась. Эта зима. Всё, сегодня же надо отобрать у кого-нибудь из местных жителей теплые валенки». Вахмистр с такой жадностью втянул в себя сигаретный дым, заполняя им прокуренные лёгкие, что даже поперхнулся.

Откашлявшись, он поправил винтовку на плече и оглянулся по сторонам. Всё было по-прежнему тихо. Робко, но всё же постепенно рассвет отгонял ночную мглу вглубь стылого черного леса, и от того на душе становилось бодрее. Скоро вахте конец, а там в теплую казарму и спать. Вдруг на дороге, припорошенной первым неглубоким неверным снежком, из морозной дымки послышался скрип, который обычно издают деревянные колеса на плохо смазанных и не подогнанных осях. Сделав предупреждающий знак рядовому, вахмистр вышел и встал перед шлагбаумом, сдернув винтовку с плеча и переложив её на руки.

Ничего настораживающего в приближающихся двух телегах он не заметил. Обычные сельских повозки местных жителей да два задубевших на морозе старика-возницы. Обычное дело. Везут что-нибудь по разнарядке поселкового коменданта. Но для проформы надо спросить.

– Wo fährst Du? Was hast im Wagen? (Куда едешь? Что у тебя в повозке?) – просипел вахмистр, подходя к первой телеге.

Возница закричал и неловко, боком, путаясь в тулупе, сполз на землю. Повернулся, и из-под комичного надвинутого на лоб треуха на вахмистра неожиданно взглянули молодые задорные глаза.

На снег полетела ненужная более овчина, и казавшиеся немощными и убогими «стариками», оставшись в одних гимнастерках, молниями метнулись к остолбеневшим от испуга вахмистру и рядовому охраннику. Синеватым блеском вспыхнули длинные лезвия ножей, и тела немецких жандармов, придерживаемые разведчиками, беззвучно осели на землю. Кровь из перерезанных артерий залила гортань, помешав издать последний смертельный конвульсивный вскрик. Где теперь Прованс? Где белокурая Гретхен? Из телег, разметав наваленное сено и брезент, выскочили ещё два бойца, и все четверо таёжными рысями ринулись по направлению к сторожке, где дремали, скованные необоримым утренним сном, ещё несколько немецких солдат. Дело было сделано. Немецкий блокпост был бесшумно уничтожен. Путь на поселок Береговое для батальона был открыт.

С трех сторон, взмахнув пережёвывая патронные ленты, по казарме, где отсыпался охранный немецкий батальон, ударили ручные пулемёты, в окна полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью, разливая ненасытный огонь по стенам, кроватям, матрасам и солдатским тумбочкам. Метались за стеклами темные тени. Обезумевшими призраками в нижнем белье

бросались к «спасительному» выходу непрошенные на русской земле гости и складывались вповал под свинцовым дождем в бесформенные штабеля. Где солдат, где офицер?

Охрана имущественного склада и ремонтной базы была снята меткими снайперскими выстрелами, один за другим, и теперь разведчики обливали керосином тюки с награбленной одеждой и закладывали толовые шашки, чтобы не довелось пехотинцам двух немецких дивизий согреть свои руки и ноги гражданским тряпьем и не смогли они ловчее управляться со своими винтовками и орудийными затворами. И может быть, тогда не выйдет у них фланговый марш-бросок, чтобы зайти в тыл истекающему последней кровью красному стрелковому корпусу, в ротах которого и осталось-то по взводу бойцов, а полки превратились в роты, и командирами стали вчерашние сержанты и младшие лейтенанты.

Вступивший в свои права рассвет подвёл итог скоротечному утреннему бою. Немецкого гарнизона в поселке Береговое больше не было. Оставшиеся в живых военнопленные со своими ранеными были собраны в уцелевшей комнате сторевшей казармы.

Александр Корж стоял напротив здания бывшего поселкового совета и бывшей теперь немецкой комендатуры, нервно курил и принимал доклады о выполненных заданиях от подходивших к нему офицеров. Выслушав говорившего, он отдавал ему честь, не произнося ни единого слова.

«Похоже, из немцев никто не ушел. Поселок небольшой и из него только два выхода по дорогам, которые бойцы перекрыли заранее. А вот среди местных кто-то мог оказаться добродухом и сейчас окольными путями пробирается в какую-нибудь деревню, где стоят немцы, чтобы предупредить их. Этого исключать нельзя. Сколько раз, находясь в немецком тылу, мы сталкивались со случаями доноительства со стороны своих же граждан. Согладатаи и стукачи обнаруживаются в каждом даже самом незначительном населенном пункте, куда бы мы ни заходили. Ну народ», – размышлял командир батальона.

Неожиданно из-за спины раздался чей-то робкий неуверенный голос:

– Товарищ командир, извините, могу ли я побеспокоить Вас?

– Что случилось? – комбат развернулся к говорившему. Перед ним стоял согбенный старик в черном драповом пальто и без шапки, которую держал в опущенной руке. Видимо, снял её с головы в знак уважения перед высоким воинским начальством. Седые волосы растрепались на ветру, а кончик вытянутого хрящеватого носа побелел, то ли от холода, то ли от внутреннего волнения. В голосе явственно звучали акценты на букву «о», выдававшие в нём местного жителя.

– Дело в том, что меня зовут Христофор Иванович. Я учитель здешней школы. Вернее, был им, когда была советская власть и была школа. Эх, что за жизнь.

– Говорите короче, – поторопил старика майор Корж, стараясь смягчить свой с хрипотцой, проржавевший на ветру и у походного костра голос.

– Извините, – старик опять заволновался и затеребил в руках свою шапку. – Я вижу, что вы Красная Армия и освободили нас от этого несчастья. И поэтому вы должны знать, что сделали немцы с нашей школой. Она недалеко отсюда. Минут десять, не больше. Прошу Вас.

«Ладно. Надо уважить старика, – подумал Корж. – Минут десять у меня найдется», – и махнул рукой офицерам, приглашая их следовать за ним.

Идти далеко не пришлось. Вскоре за поворотом открылся просторный, огороженный деревянным забором школьный двор. Сама школа оказалась типичным одноэтажным строением из круглых бревен, построенным, очевидно, до революции и служившим для обучения сельских ребятишек ещё земскими учителями. Посередине двора стоял советский грузовичок-полуторка, почему-то с открытыми на распашку боковыми дверями.

Христофор Иванович всё забегал вперед, стараясь быть во главе идущей за ним группы красных командиров, услужливо показывая им путь.

– Вот сюда, сюда, пожалуйста, ещё немного, – суеился Христофор Иванович. Голос его срывался, становился невнятным, слова неразборчивыми.

Офицеры вошли в помещение и проследовали за стариком по длинному коридору, пока не остановились перед высокой двустворчатой дверью.

– Это здесь, – совсем тихо произнес старый учитель и, отступив в сторону, открыл дверь.

Офицеры зашли в комнату, в одном углу которой были свалены трупы пятерых человек. Некоторые из них были в разорванных нижних рубашках и галифе, другие сохранили гимнастерки без поясных ремней. Все босые. Судя по петлицам, убитые были младшими командирами и политруками. Лица, руки и головы были в обширных кровоподтеках и резаных ранах. Глаза то ли запеклись вытекшей кровью, то ли их вообще не было. Даже бумажные обои на стенах хранили широкие полосы кровавых разводов.

– Немцы привезли их сюда дня два назад и зачем-то пытали. Эти крики я не забуду никогда, – печально промолвил старик.

Рука Коржа потянулась к голове. Вслед за ним все офицеры сняли свои головные уборы.

– Извините, – опять зачем-то заторопился Христофор Иванович, – но я ещё что-то обязан вам показать. Это здесь во дворе.

Офицеры с помрачневшими лицами, толкаясь, вышли из пыточной. Кто-то спешил закутить, кто-то принялся бесцельно подтягивать португую.

Так с людьми поступать нельзя.

Старый учитель подвел их к грузовику, склонил голову, на которую за всё время так и не надел шапку, и произнес:

– Они там. В кузове. Этих они тоже не пощадили.

Александр Корж оперся сапогом на колесо, подтянулся и заглянул в кузов; что-то рассматривал несколько секунд, спрыгнул и резко развернулся к своим офицерам, вкручивая каблучки в землю. Лицо его было бледным и пугающе неподвижным, каким бывает лишь посмертная гипсовая маска, и только один взбудораженный лицевой нерв временами поддёргивал левую щёку.

– Откинуть борт, – приказал комбат.

Перед взорами изумленных людей предстала картина, которую сложно было бы отыскать в самых мрачных чертогах ада. В грузовике, аккуратно сложенные в ряды, лежали мертвые дети, одетые почему-то, несмотря на холодное время, в летние платица и светлые рубашечки, и какая-то совсем молоденькая женщина в разорванном нижнем белье.

– Это дети-инвалиды, – уже не говорил, а стонал старый учитель. – В поселке был интернат для физически и умственно неполноценных детей. В основном сироты. Их свозили сюда со всей округи. Когда немцы подступали к посёлку, то большинство детишек успели вывезти, а эти с воспитательницей остались. Немцы слишком быстро перекрыли все дороги. Пришедшие солдаты поначалу их не трогали, и дети продолжали жить в своем интернате с воспитательницей. Мы, жители, чем могли помогали им. В основном едой и одеждой. Даже немцы из гарнизона иногда приносили кое-что, даже лекарства.

Старик продолжал говорить и говорить, словно пытаясь забыться с помощью потока слов и заслониться ими от жестокой реальности. Война щедро вспахивала свою ниву, превращая добрых в бессердечных, злых в изуверов и палачей.

– Так кто же это сделал, в конце концов? – на лице Коржа гневно заходили желваки. – Немцы?

– Да, немцы, – осекся Христофор Иванович, – но не те, что стояли в Береговом, которых вы сегодня побили. Это были какие-то другие немцы. Человек 20–30. И пробыли они здесь два дня. Уехали только вчера вечером. Это они всех замучили и расстреляли. Я даже скажу, что местный гарнизон их боялся.

– Как они выглядели? Кто старший?

– Очень странно. Всё очень странно. Это были чисто звери, фашистские звери. Одеты по-разному: кто в полевую форму вермахта, кто в гражданскую одежду, а несколько человек в форме красноармейских командиров. Вот как Вы, – замялся учитель, опасливо взглянув на Александра Коржа. – Когда Ваших солдат мы увидели, то, извините, не знали, что и думать. Мы даже подумали, что это они вернулись. Кругом стрельба, а кто есть кто, непонятно. Ведь фронт далеко ушел. Под Москву. – Старик замолчал, не зная, что он ещё может рассказать красным командирам, а потом, как бы в чём-то сомневаясь, неуверенно добавил: – А командиром у этой странной группы был немецкий офицер. Кажется, капитан. Нет, нет. Я ошибаюсь. Майор. Кто-то его назвал: Герр майор. Да, правильно. Именно так. Это был человек очень высокого роста. Одна сторона лица иссечена шрамами, как от ножа, и оттого, когда он смотрел и улыбался, жителей охватывал смертельный ужас. Никто не мог вынести его взгляда. И ещё. Удивительно, но эти люди разговаривали друг с другом то по-немецки, то по-русски, а своего командира почему-то называли Николай Николаевич, хотя он немец. Точно немец.

– Ясно, – резюмировал Александр Корж. – Бекетов, собирай всех сюда, на школьный двор. Общее построение. Оставь только дозоры и охрану. Ты, Панкратов, возьми человек шесть и за школой выройте общую могилу. Офицеров, воспитательницу и детей похороните вместе. Они приняли общую муку. А ты, Василий, – майор пристально взглянул в глаза командира батальонной разведки, который совсем недавно отличился тем, что бесшумно снял блокпост полевой жандармерии, – возьми двух своих бойцов и реши вопрос с пленными немцами. У нас здесь не фронт, и лагерей для военнопленных тоже нет. Ты меня понял?

Василий кивнул головой и, придерживая автомат, бегом бросился выполнять приказ.

* * *

Батальонное каре, заняв большую часть школьного двора, вытянулось вдоль его ветхого, давно нечиненного забора. Центральным элементом жуткой авансцены застыл грузовик с откинутым бортом. Плотные серые облака безучастно нависли над поселком и окружавшими его лесом и полями, будто специально закрыв собой солнце, чтобы оно не видело страшные дела рук человеческих.

Командир батальона вышел вперёд и скомандовал:

– Батальон, смирно! Слушать всем, – Корж по-ораторски выбросил руку в сторону грузовика. – Я хочу, чтобы вы все увидели это и поняли, с каким врагом мы воюем. Прошу запомнить сегодняшний день. И вот что. Если я увижу у кого-то проявление малодушия или, что ещё хуже, снисхождения к врагу, то вот этой рукой... – рука комбата тяжело легла на пистолетную кобуру.

Над школьным двором повисла звенящая тишина. Не слышно было ни дыхания людей, ни бряцанья оружия. Даже сорочки базары, суетливые и крикливые перед скорой зимней стужей, куда-то исчезли и затаились до поры до времени.

– Батальон, направо. Шагом марш.

Скорым шагом уходили бойцы разведывательного штурмового батальона. Новые жесткие складки залегли у них под скулами. Зажглись на дне глазниц заполыхавшие угольки. Вытянулись и заострились обветренные лица, крепче обхватили пальцы цевья оружия. И теперь только одна ясная в своей ужасной правоте мысль овладела всеми. Как раскаленная стрела, пронзила она их мужественные сердца и призывным набатным колоколом зазвучала в их головах.

Смерть за смерть. За гибель наших жен и матерей, за растерзанных детей. Пусть не дрогнет рука, не собьётся дыхание и зоркими будут глаза. Сколько раз встречу, столько раз убью. Нет пощады нелюдям. Ярче вспыхнули плавильные горны, чтобы выплавить из уральской руды железо и сделать из него звонкую сталь, с тем чтобы выковать из неё первые гранёные гвозди, которыми будет крепко-накрепко прибито к древку красное полотнище Знамени

Победы. Чтобы не сорвал его отчаянный ветер с пробитой снарядами крыши поверженного рейхстага.

Это был хороший батальон, может быть, один из лучших в Красной Армии на тот момент, так как создавался по особому распоряжению Верховного советского главнокомандования как прообраз будущих истребительных и диверсионных батальонов и партизанских отрядов, сумевших выжечь до трети германской военной машины. Создавался, невзирая ни на что, летом и осенью сорок первого года, когда так не хватало на фронте кадрированных боеспособных частей. Два месяца на базе под поселком Кратово проходили интенсивные тренировки и занятия по топографии, стрельбе и минно-взрывному делу, совершались изнурительные марш-броски и отрабатывались навыки агентурно-разведывательной работы. Много специальных знаний и навыков должно быть в арсенале разведчика-диверсанта.

И теперь ряд за рядом шагали спаянные общей боевой работой прокопченные в огне и закаленные арьергардными отступлениями офицеры-фронтовики, познавшие тяжесть непрерывных боев и выжившие в пекле бесчисленных «котлов» солдаты-окруженцы. Шагали спортсмены-разрядники, чемпионы и гордость страны Советов, за ними убежденные в правоте своего дела добровольцы-интеллигенты из лучших московских вузов. Всех их призвала на свою защиту Мать-Родина.

Вслед им по небосклону выстилался черный дым от сгоревшего склада и мастерских, как поминальный саван над телами замученных невинных людей.

Шагавший рядом со старшим лейтенантом Бекетовым командир батальона молчал и всё о чем-то думал. Потом, повернув голову к своему попутчику, произнёс:

– А ты знаешь, эти убийцы из Берегового не просто каратели и садисты. У них есть профессиональных почерк. И с этим надо разобраться. Не исключено, что они давно идут по нашему следу. Не из этого ли карательного батальона был тот провокатор, который чуть не угробил твою группу. А, Фёдор?

Фёдор не любил вспоминать этот случай. Обидный, но от этого не менее непростительный. Проявил излишнюю доверчивость, если не сказать строже – преступное благодушие, стоившее жизни одному его бойцу, а двое других получили ранения.

В тот погожий октябрьский день группа старшего лейтенанта Бекетова успешно выполнила задание по доразведке месторасположения штаба охранной дивизии генерала Шонхорна. Настроение было хорошим. В кармане лежали полезные сведения о составе штаба, численности охраны, о наиболее удобных путях подхода. На базе этой информации уже можно было составлять план будущей операции по уничтожению этого важного пункта управления немецкими войсками. Оставалось только проконтролировать обстановку на дороге, выходящей по опушке леса, которой намеривались воспользоваться бойцы батальона.

Расположив основную часть группы метрах в пятистах от лесной окраины, Фёдор отправил к дороге сдвоенный наряд с наказом через час вернуться и сообщить о результатах наблюдения. Ничто не предвещало плохого исхода. Никем не потревоженные бойцы, находившиеся в засаде, расслабились и ради забавы ловили лицами солнечные лучики, пробивавшиеся через осеннюю желто-зеленую листву. Хорошо было лежать так на ещё теплой земле, наблюдать за полетом паутинных нитей и думать о простом и хорошем. Например, о том, что когда-нибудь эта война всё же кончится. Мы победим и вернёмся домой. И тогда можно будет скинуть надоевшие тяжелые сапоги, снять ремень и гимнастерку и лечь в расшнурованной исподней рубашке на широкую деревянную лавку, которую мать по-праздничному накрыла расшитым узорами шерстяным покрывалом. И лежать так, широко раскинув руки и с наслаждением упираясь голыми усталыми ступнями в холодный белёный бок русской печки. И не надо ни о чем думать, никого ждать и ничего бояться. А просто так лежать на спине и смотреть в темный потрескавшийся потолок старой избы, как когда-то лежал в далеком детстве, вернувшись по утру с колхозным конюхом, с которым гонял гурт толстопузых колхозных лошадей на речку в ночное.

Как и ожидалось, ничего интересного дозор доложить не смог.

– Ну что, ребята, – спросил немного разомлевший на отдыхе Фёдор, пережевывая крепкими белыми зубами стебелёк лесной травинки. – Что видели? Что слышали?

– Да ничего особенного, Терентич, – ответил за двоих старший наряда. – Дорога спокойная, дремотная. Ни мотоцикла тебе, ни лошади с повозкой.

– Что, действительно так хорошо?

– Да, именно так. Попался, правда, один местный. Мы его проверили, досмотрели и...

– Что «и»? – блаженное выражение стало стекать с лица Фёдора. – Так вы что, его отпустили?

– Ну да, а зачем он нам нужен? – насупился старший дозора.

– А по каким признакам вы решили, что это местный?

– Да по всему видно, товарищ старший лейтенант, – бойцы подтянулись, понимая, что разговор принимает неприятный оборот. – Пожилой, за пятьдесят, не менее. Небритый. Точно бывший колхозник. Идёт в соседнюю деревню к родственникам. Правильно назвал имя местного старосты. Одет кое-как, с клюкой. Досмотрели его котомку. В ней только какой-то платок, да краюха ржаного хлеба. Обычный мужик. Да и легким перегаром от него тянет. Ну кто так будет маскироваться.

– А как говорит, что спрашивает, как смотрит? – продолжал допытываться Фёдор, немного успокаиваясь. – Действительно как местный?

– Да говорит, как все здесь деревенские говорят: растягивая слова, и налегает на «о», – вставил слово второй, младший участник дозора. – Нас ни о чем не спрашивал. Видит, что мы в гражданском, да ещё с немецкими автоматами. Много сейчас разного народа по лесам бродит. Даже предложил нам помочь. Проводить куда.

– Да не сомневайтесь, товарищ старший лейтенант, – уже решительным тоном заявил старший дозорный. – Это был обычный мужик. Назвался Силантием Репнёвым. Описал, где живёт. А главное, вышел он на нас неожиданно. Со спины. Так ни немцы, ни полицаи по лесам не ходят, тем более в одиночку. А этот знает все стёжки-дорожки. Точно местный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.